

От автора романа-бестселлера «Остров»

Виктория Хислоп

Трогательный рассказ о том, что значит семья
в трагическое время перемен.

Booklist

Мить

Виктория Хислоп

Нить

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12110260

*Нить : роман / Виктория Хислоп: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10719-9*

Аннотация

Греция – колыбель европейской цивилизации. Салоники – крупнейший город-порт на севере страны, древний город, названный в честь сестры Александра Македонского. Город, в котором веками жили люди разных национальностей и вероисповеданий.

«Нить» – блестящий рассказ о дружбе и любви, верности и предательстве. Захватывающая семейная сага, насыщенная глубокими чувствами и сильными страстями, разворачивается в Салониках на фоне трагических событий двадцатого века. Это роман о тех нитях, что связывают разные поколения...

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	10
Глава 1	26
Глава 2	42
Глава 3	54
Глава 4	83
Глава 5	106
Глава 6	118
Глава 7	131
Глава 8	138
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Виктория Хислоп

Нить

Victoria Hislop

THE THREAD

Copyright © 2011 by Victoria Hislop

All rights reserved

© О. Полей, перевод, 2015

© Ю. Каташинская, карты, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Томасу Вогиатзису, моему другу и учителю

Хочу выразить благодарность:

Яну, Эмили и Уиллу Хислоп;

*моей тете Маргарет Томас (1923–2011) за ее
огромную любовь и поддержку;*

Дэвиду Миллеру,

*Флоре Риз,
Константиносу Пападопулосу,
Эврипидису Константинидису,
Миносу Матсасу за вдохновляющую музыку
и за разрешение процитировать его «То Minore tis
Avgis»;
исполнителям и команде «Острова» за все, чему
они научили меня;
фотоархиву Музея Бенаки в Афинах;
Греческому центру в Лондоне;
Лондонской библиотеке за создание спокойной
обстановки, в которой я писала эту книгу, и всем
моим молчаливым соседям там.*

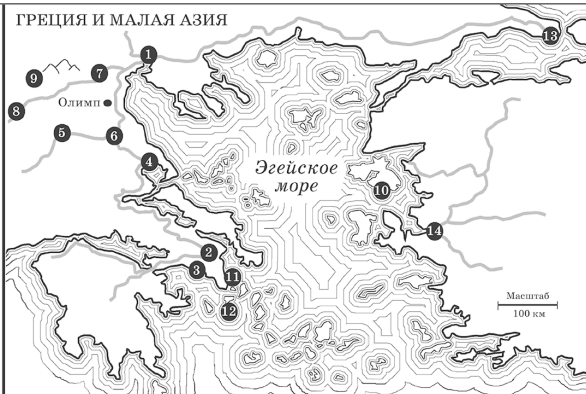
Это история о Салониках, втором после столицы греческом городе. В 1917 году его население составляли в равных пропорциях христиане, мусульмане и иудеи. Через тридцать лет остались одни христиане.

«Нить любви» – это история о двух людях, переживших самый беспокойный период в истории города, когда он был разрушен и изуродован почти до неузнаваемости целой чередой политических и гуманитарных катастроф.

Все персонажи, а также многие улицы и адреса, где они обитают, – исключительно вымышленные, однако все исторические события происходили в реальности. Последствия их Греция переживает до сих пор.

ГРЕЦИЯ И МАЛАЯ АЗИЯ

1. Салоники
2. Афины
3. Пирей
4. Волос
5. Трикала
6. Лариса
7. Верия
8. Янина
9. горы Граммос
10. Митилини
11. Макронисос
12. Йнарос
13. Константинополь
(Стамбул)
14. Смирна (Измир)

САЛОНИКИ

1. Улица Ирины

2. Улица Филиппу

– Вот о чем я тебя попрошу, милая моя: представь, что ты вернулась в детство. Надеюсь, это будет нетрудно, тут главное – правильно уловить стиль. Вышей мне такую картинку, чтобы при взгляде на нее сразу приходило на ум слово «утро» – ну, знаешь, что-нибудь в таком роде – восходящее солнце и птицу, или, там, бабочку, или еще что-нибудь крылатое на фоне неба. А потом еще одну – «ночь».

– С луной и звездами?

– Да! Вот именно. Только не так, будто их какая-нибудь криворукая девочка вышивала, – добавила она с улыбкой. – Мне же их как-никак на стены вешать!

Катерине уже случалось делать почти такие же картинки много лет назад, когда мама учила ее вышиванию, и это время сразу же вспомнилось с необычайной живостью.

Ее «утро» было вышито крупными петельными стежками, блестящей желтой ниткой, а «ночь» стала темно-синей, как ночное небо. Катерину радовала эта простая работа, и она с улыбкой глядела на то, что получилось. Никто ничего не заподозрит – такое можно увидеть на стене в любом греческом доме. Даже если выдерут ткань из рамы – драгоценные страницы будут скрыты за ситцевой подкладкой. Многие так делают, чтобы прикрыть путаницу ниток с изнаночной стороны.

В этом маленьком домике собралась целая дюжина лю-

дей, однако в нем царила необычайная тишина. Все были предельно сосредоточены, тайная работа не терпела отлагательства. Они спасали свое сокровище, то, что связывало их с собственным прошлым.

Пролог

Май 2007 года

Было половина восьмого утра. Только в этот час в городе бывало так тихо и спокойно. Над бухтой висел серебристый туман, а под ним вода, темная, как ртуть, неслышно накачивала на мол. Небо было совсем бесцветное, воздух крепко просолен. Для кого-то еще тянулась ночь, а для кого-то уже начался новый день. Обтрепанные студенты допивали последний кофе с сигаретой рядом с аккуратно одетыми пожилыми парами, вышедшими на привычный утренний променад.

По мере того как поднимался туман, Олимп все яснее проступал вдали, за заливом Термаикос, и безмятежная синева моря и неба сбрасывала с себя белесый саван. Бездействующие танкеры стояли невдалеке от берега, словно греющиеся на солнце акулы, их темные силуэты четко вырисовывались на фоне неба. Пара небольших суденышек уходила к горизонту.

На мраморной набережной, идущей вдоль всей гигантской дуги залива, никогда не иссякал поток дам с комнатными собачками, молодых людей с дворняжками, бегунов трусцой, роллеров, велосипедистов и молодых мам с колясками. Между морем, эспланадой и выстроившимися в ряд кафе черепашьям шагом тащились автомобили, направляющиеся

в город, и водители, невидимые за тонированными стеклами, беззвучно напевали слова последних хитов.

Неспешным, но твердым, легким шагом после долгой ночи с танцами и выпивкой у самой кромки воды шел тоненький юноша с шелковистыми волосами, в шикарно потрепанных джинсах. Его загорелое лицо заросло двухдневной щетиной, но шоколадного цвета глаза были ясными, мальчишескими. У него была расслабленная походка человека, довольного собой и миром, и он тихонько мурлыкал что-то себе под нос.

На другой стороне улицы, по узенькой полоске между маленьким столиком и бордюром, медленно двигалась пожилая пара, направляясь к своему излюбленному кафе. Мужчина ступал осторожно, тяжело опираясь на палку. Лет им было, вероятно, уже за девяносто, ростом оба не выше пяти футов четырех дюймов, одеты аккуратно: он в тщательно отглаженной рубашке с коротким рукавом и светлых брюках, она – в простом ситцевом платье в цветочек, на пуговицах, с пояском на талии – такой фасон был в моде, пожалуй, лет пятьдесят назад.

Все стулья в кафе, выстроившиеся вдоль пешеходной части на улице Ники, стояли лицом к морю, чтобы посетители могли любоваться постоянно сменяющимися картинками – людьми, автомобилями и кораблями, бесшумно скользящими то к верфи, то от нее.

Владелец кафе «Ассос» радушно встретил Димитрия

и Катерину Комнинос, и они обменялись парой слов по поводу объявленной всеобщей забастовки. Поскольку у огромного процента рабочего населения сегодня фактически выходной, в кафе будет больше посетителей, так что владельцу не на что было пожаловаться. К акциям протеста здесь все уже привыкли.

Делать заказ не было нужды. Кофе они всегда брали один и тот же и потягивали подслащенный непрозрачный напиток с треугольными катаифи – сладкими булочками.

Старик погрузился в свою ежедневную газету, но тут жена торопливо похлопала его по руке:

– Гляди, гляди, любовь моя! Это же Димитрий!

– Да где же, милая?

– Митсос! Митсос! – закричала старушка.

Этим уменьшительным именем она называла обоих: и мужа, и внука. Но юноша не слышал ее за гудками и ревушими моторами нетерпеливых автомобилей, рванувшихся на зеленый свет.

Тут Митсос поднял взгляд, вынырнув из задумчивости, и заметил, как бабушка отчаянно машет ему рукой с другой стороны улицы. Он проскочил между движущимися машинами и подбежал к ней.

– Бабушка! – воскликнул юноша, обнимая бабушку, а потом взял ее за руку и поцеловал в лоб. – Как поживаешь? Какой приятный сюрприз... А я как раз собирался к вам сегодня зайти!

Лицо старушки расплылось в широкой улыбке. Они с мужем души не чаяли в единственном внуке, и он просто купался в их любви.

– Давай и тебе что-нибудь закажем! – оживленно проговорила бабушка.

– Нет, не надо, правда. Я сыт. Мне ничего не нужно.

– Ну хоть что-нибудь – кофе, мороженое...

– Катерина, мороженого-то он уж точно не хочет!

Снова появился официант.

– Мне только стакан воды, пожалуйста.

– И все? Ты уверен? – суетилась бабушка. – А позавтракать?

Официант уже отошел. Старик наклонился и тронул внука за руку.

– Что, сегодня лекций, наверное, опять не будет? – спросил он.

– Нет, к сожалению, – ответил Митсос. – Я уже привык.

Молодой человек этот год учился в Университете Салоников, готовился получать диплом магистра гуманитарных наук, но сегодня преподаватели бастовали, так же как и все остальные государственные служащие в стране, и у Митсоса получился вроде как выходной. Теперь, после долгой ночи в барах на Проксену Коромила, он направлялся домой, спать.

Митсос вырос в Лондоне, но каждое лето приезжал к родителям отца в Грецию и каждую субботу с пятилетнего воз-

раста посещал греческую школу. Учебный год в университете уже подходил к концу, и хотя немало лекций пришлось пропустить из-за забастовок, юноша уже совершенно свободно овладел, как он сам говорил, «наполовину родным» языком.

Несмотря на все настойчивые приглашения бабушки с дедушкой, Митсос поселился в студенческом общежитии, однако в выходные регулярно приходил в их дом у самого моря, где на него изливали почти чрезмерные потоки горячей любви и нежности – неизменный долг греческих бабушек и дедушек.

– В этом году акций протеста больше, чем когда-либо, – сказал дедушка. – Но что же делать, Митсос, приходится терпеть. И надеяться, что все уладится.

Мусорщики тоже бастовали вместе с учителями и врачами, и городской транспорт, как обычно, тоже стоял. Ямы на дорогах и трещины на тротуарах уже много месяцев не заделывали. Жизнь и в лучшие времена не баловала стариков, и Митсос, глядя на бабушкину руку, покрытую шрамами, и на дедушкины скрюченные артритом пальцы, вдруг увидел, какие они оба хрупкие и слабые.

Тут его внимание привлек человек, который приближался к ним по тротуару, постукивая перед собой белой тростью. Его путь представлял собой настоящую полосу препятствий: машины, в нарушение правил припаркованные на тротуаре, неровные края дороги, разбросанные тут и там столбы

и столики кафе, – и все это нужно было обходить. Митсос вскочил, увидев, что молодой человек остановился в нерешительности, растерявшись перед рекламным щитом кафе, торчавшим в самом центре тротуара.

– Позвольте, я помогу. Куда вам нужно?

Он взглянул в лицо незнакомца, юное, даже моложе, чем у него самого, с почти прозрачными невидящими глазами. Кожа у юноши была бледная, а через один глаз шел зигзагообразный, неумело зашитый шрам.

Слепой улыбнулся Митсосу:

– Ничего страшного. Я здесь каждый день хожу. Но каждый день что-нибудь да меняется...

Машины проносились мимо по короткому отрезку дороги к следующему светофору, и слова Митсоса почти тонули в их шуме.

– Ну позвольте, я хоть через дорогу вас переведу.

Он взял слепого под руку, и они вместе перешли на другую сторону, хотя Митсос чувствовал, как уверенно и решительно тот держится, и почти стеснялся, что вызвался помочь.

Они ступили на тротуар на противоположной стороне улицы, и Митсос выпустил руку молодого человека. Теперь тот словно смотрел ему прямо в глаза.

– Спасибо.

Митсос увидел, что на этой стороне дороги слепого подстерегает новая опасность. Совсем рядом был обрыв прямо

в море.

– Вы ведь знаете, что тут уже море?

– Конечно знаю. Я здесь гуляю каждый день.

Прохожие, кажется, были погружены в собственные миры или поглощены музыкой, гремевшей для них одних, и просто не видели, что с этим человеком что-то не так. Несколько раз его белую палку замечали лишь за долю секунды до столкновения.

– Может быть, безопаснее было бы гулять где-нибудь еще, где народу поменьше? – спросил Митсос.

– Безопаснее-то безопаснее, но там же не будет вот этого всего... – ответил молодой человек. Он махнул рукой, указывая в сторону моря и изогнутой бухты, протянувшейся перед ними довольно правильным полукругом, а затем показал прямо перед собой, на горы в снежных шапках, высившиеся в ста километрах от них, на той стороне. – Олимп. Море – все время разное. Танкеры. Рыболовецкие суда. Уверен, вы думаете, что я все равно ничего этого не вижу, но ведь когда-то видел. Я знаю, что это все есть, и до сих пор все вижу в воображении, и всегда буду видеть. И, кроме того, на что вы смотрите, есть ведь и кое-что еще, не правда ли? Вот закройте глаза.

Молодой человек взял Митсосу за руку. Митсос удивился, какие у него гладкие, прохладные, будто мрамор, тонкие пальцы, и порадовался этому ободряющему прикосновению, напоминая, что он не один. Он понял, каково было бы

стоять здесь в темноте, одинокому и беззащитному на людской набережной.

И в то же мгновение, когда его мир погрузился в черноту, Митсос ощутил, как обострились все чувства. Громкие звуки превратились в настоящий рев, а от солнца, припекающего голову, стало так горячо, что он едва не потерял сознание.

– Постойте так, – предложил слепой, и Митсос почувствовал, как его рука на миг разжалась. – Еще хоть несколько минут.

– Конечно, – ответил Митсос, – это поразительно, как остро все ощущается. Я как раз пытаюсь к этому привыкнуть. В этой толпе чувствуешь себя таким беззащитным.

По тону ответа Митсос догадался, что молодой человек улыбается.

– Еще чуть-чуть. Тогда вы почувствуете еще много чего... Он был прав.

Крепкий запах моря, влажность воздуха на коже, ритмичные удары волн о мол – все ощущалось сильнее.

– И вы же понимаете, что каждый день здесь все другое? Каждый... новый... день. Летом воздух такой неподвижный, а вода такая гладкая, как масло, и я знаю, что горы скрываются в тумане. От этих вот камней поднимается жар, и я его чувствую сквозь подошвы ботинок.

Они оба стояли лицом к морю. Это утро нельзя было назвать типичным для Салоники. Как и сказал молодой человек, ни один день тут не был похож на другой, но одно

оставалось неизменным в широкой панораме, открывавшейся перед ними: в ней ощущались одновременно и история, и вечность.

– Я чувствую людей вокруг. Не только тех, кто сейчас рядом, как вы, но и других. У этого города богатейшее прошлое, он битком набит жителями, и они так же реальны, как и вы. Я вижу их не менее и не более ясно. Вы меня понимаете?

– Да, понимаю. Конечно понимаю.

Митсосу не хотелось уходить, не хотелось поворачиваться к молодому человеку спиной, пусть он этого и не увидит. Проведя с ним пару минут, он ощутил, как ожили в нем все чувства. На лекциях по философии он усвоил, что видимое не обязательно более реально, чем невидимое, однако на собственном опыте прочувствовал впервые.

– Меня зовут Павлос, – представился слепой.

– А меня Димитрий... или Митсос.

– Как же я люблю этот город, – сказал Павлос. – Наверное, есть места, где слепому жилось бы легче, но я бы никуда отсюда не уехал.

– Нет, я вижу... то есть понимаю, что вы имеете в виду. Это очень краси... то есть удивительный город. – Митсос поспешно поправлялся, злясь на себя за невольную бестактность. – Знаете... мне пора вернуться к бабушке с дедушкой, но было очень приятно с вами познакомиться.

– Мне тоже очень приятно. И спасибо, что помогли пе-

рейти через дорогу.

Павлос повернулся и пошел дальше, быстро постукивая перед собой гибкой белой тросточкой. Митсос еще немного постоял, глядя ему вслед. Он был практически уверен, что Павлос чувствует спиной тепло его взгляда. Во всяком случае, надеялся на это и подавлял желание броситься за ним, пройти вместе по берегу и продолжить разговор. Может быть, в следующий раз...

«Как же я люблю этот город», – словно эхом звучало вокруг.

Митсос вернулся за столик, явно под впечатлением от этой встречи.

– Ты молодец, что помог ему, – сказал дедушка. – Мы его часто здесь видим, когда ходим гулять. Несколько раз его чуть не сбили – люди и не смотрят даже.

– Все в порядке, Митсос? – спросила бабушка. – Ты что-то все молчишь.

– Все нормально. Я просто думал о том, что он сказал... – отозвался Митсос. – Он так любит этот город, хотя ему здесь, должно быть, очень нелегко приходится.

– Это мы можем понять, правда, Катерина? – ответил дедушка. – Выбоины на тротуарах и для нас не подарок, и никто, по-моему, не собирается ничего с этим делать, несмотря на все предвыборные обещания.

– Так почему вы не уедете? – спросил Митсос. – Вы же знаете, мама с папой очень хотели бы, чтобы вы переехали

в Лондон. Там бы вам гораздо легче жилось.

Стариков то и дело звали к себе и сын, живший в зеленом Хайгейте, и дочь, которая жила в Штатах, в фешенебельном пригороде Бостона, но что-то мешало им выбрать более комфортную жизнь. Митсос часто слышал, как родители обсуждали это между собой.

Катерина бросила быстрый взгляд на мужа:

– Даже если бы нам дали столько бриллиантов, сколько капель в океане, ничто не заставило бы нас уехать! – Она наклонилась ближе к внуку и твердо взяла его за руку. – Мы останемся в Салониках до самой смерти!

То, с какой страстностью были сказаны эти слова, совершенно поразило юношу. На миг бабушкины глаза заблестели, а затем наполнились слезами, но не теми старческими слезами, что часто наворачиваются на глаза без видимой причины. По ее щекам катились слезы гнева.

Некоторое время они сидели молча, а Митсос так просто замер, чувствуя только, как крепко сжато его запястье. Он лишь взглянул бабушке в глаза, надеясь услышать какое-то объяснение. Никогда бы не подумал, что она способна на подобную вспышку, всегда видел в ней только добрую старушку с мягким характером. Как и большинство гречанок ее возраста, бабушка обычно предоставляла первое слово мужу.

Наконец дедушка нарушил молчание:

– Мы сами предложили нашим детям поехать учиться

за границу. В то время это было разумным решением, но мы-то думали, что они вернутся. А они остались там навсегда.

– Я не представлял... – начал Митсос, сжимая бабушкину руку, – не представлял себе, что это значит для вас. Папа только однажды говорил о том, почему вы отправили его с тетей Ольгой за границу, но в подробности не вдавался. Это как-то связано с гражданской войной?

– Да, отчасти, – ответил дедушка. – Пожалуй, пора рассказать больше. Если интересно, само собой...

– Конечно интересно! – воскликнул Митсос. – Всю жизнь я почти ничего не знал о прошлом отца, и никто мне не рассказывал. Теперь-то я уже, наверное, достаточно взрослый для этого?

Бабушка с дедушкой переглянулись.

– Как думаешь, Катерина? – спросил дедушка.

– Думаю, он мог бы помочь нам донести овощи до дома, чтобы я могла приготовить на обед его любимую гемисту, – с улыбкой отозвалась бабушка. – Что скажешь, Митсос?

Они свернули на улицу, уходящую вверх от моря, и, срезав путь, по каким-то старинным узким улочкам вышли к рынку Капани.

– Осторожно, бабушка, – предостерег Митсос, когда они оказались у прилавков, где брусчатка была усыпана кусками гнилых фруктов и раскатившимися овощами.

Они купили блестящие темно-красные перцы, рубиновые помидоры, круглые, как теннисные мячики, твердые белые

луковицы и лиловые баклажаны. Поверх всего этого в сумку с продуктами продавец положил пучок кориандра, и его аромат, казалось, заполнил всю улицу. Продукты выглядели вполне аппетитно, и их можно было бы съесть прямо сырыми, но Митсос знал, что в бабушкиных руках они превратятся в сочные острые фаршированные овощи – это было его любимое блюдо всю жизнь, с тех самых пор, как он стал помнить свои приезды в Грецию. В животе у него заурчало.

В той части рынка, где торговали мясом, пол был скользким от крови, капавшей с распластанных туш. Знакомый мясник встретил их как родных, и Катерина вскоре получила одну из бараньих голов, смотревших на них из ведра.

– А это тебе зачем, яйя?

– На бульон, – ответила бабушка. – И килограмм рубца, пожалуйста.

Значит, потом приготовит пацас. Она умела накормить семью всего на несколько евро, поэтому ничего не покупала зря.

– Верное средство от похмелья, Митсос! – Дедушка подмигнул внуку. – Видишь, как бабушка о твоём благе печется!

Десять минут пешком по обшарпанным улочкам старых Салоники – и они оказались у дома, где жили бабушка с дедушкой. У самого входа остановились поздороваться с лучшим другом Димитрия – его кумбарос¹ сидел в ларьке на углу. Старики знали друг друга уже больше семидесяти лет,

---

¹ Шафер на свадьбе (греч.). – Здесь и далее прим. перев.

и ни дня у них не проходило без горячих обсуждений последних новостей. Лефтерис, проводивший дни в киоске, среди газет, разбирался в городской политике, как никто другой в Салониках.

Многоквартирный дом представлял собой невзрачное четырехэтажное здание, построенное в 1950-е. Общий коридор выглядел повеселее: желтые стены, ряд из четырнадцати запертых почтовых ящиков – по одному на каждую квартиру. Светлый каменный пол, рябой, как яйцо куропатки, недавно вымыли с каким-то едко пахнущим дезинфицирующим средством, и Митсос задержал дыхание, пока они медленно поднимались по лестнице, ведущей к бабушкиной и дедушкиной двери.

Площадка была довольно ярко освещена, тогда как в квартире царил полумрак. Когда старики уходили из дому, жалюзи всегда оставались опущенными, но, возвращаясь, Катерина поднимала их и впускала в комнаты свежий воздух. Сквозь тюлевые занавески света проникало немного. В доме всегда стоял полумрак, но Катерине и Димитрию так нравилось. От прямых солнечных лучей выцветают ткани и портится деревянная мебель, так что они предпочитали жить при слабом свете, проходившем сквозь тюль, или при свете лампочек низкого напряжения – лишь бы видеть, куда идешь.

Митсос сложил покупки на кухонный стол, бабушка быстро распаковала продукты и принялась крошить и резать.

Внук наблюдал за ней, зачарованный тем, какие у нее выходят аккуратные кубики лука и ровные ломтики баклажанов. Катерина проделывала эту работу уже десятки тысяч раз, и теперь это выходило у нее с точностью автомата. Ни кусочка лука не соскользнуло с доски на стол, на клеенку с цветочным узором. Все, до последнего атома, без каких бы то ни было отходов, отправилось на сковороду, над которой поднялся пар, когда овощи зашипели в масле. На кухне Катерина управлялась с такой ловкостью, словно была вдвое моложе, и двигалась легко и проворно, будто в танце. Она, казалось, летала над полом, от старого-престарого холодильника, который без конца трясся и гремел, к электрической плите – ее дверца прилегала неплотно, и приходилось хлопать изо всех сил, чтобы она закрылась.

Митсос засмотрелся на бабушку, а когда поднял голову, то увидел, что дедушка стоит в дверях.

– Скоро будет готово, милая? – спросил он.

– Еще пять минут, и поставлю жарить, – ответила Катерина. – Мальчику же надо поесть!

– Надо, конечно. Идем, Митсос, не будем мешать бабушке.

Молодой человек прошел за дедом в тускло освещенную гостиную и сел напротив него в обитое тканью кресло с деревянными подлокотниками. На спинке каждого кресла лежала вышитая накидка, и на всей мебели белые вязанные салфетки. Перед электрическим камином стоял небольшой

экран, а на нем тонкой работы аппликация – ваза с цветами. Всю жизнь Митсос видел бабушку за шитьем и знал, что все это сделано ее искусными руками. Единственным звуком в комнате было ритмичное тиканье часов.

На полке за спиной у дедушки выстроились в ряд фотографии в рамках. Почти на всех были изображены или сам Митсос, или его американские кузены, но находилось тут и свадебное фото – его родители, дядя и тетя. А в одной рамке – парадный портрет бабушки с дедушкой. Трудно было даже сказать, сколько им лет на этой фотографии.

– Надо подождать бабушку, а тогда уж начнем, – сказал Димитрий.

– Да, конечно. Это ведь бабушка даже за мешок бриллиантов отсюда бы не уехала, да? От одной мысли о переезде так рассердилась. Я же не хотел ее обидеть!

– Ты и не обидел ее, – сказал дедушка. – Она просто очень сильно все переживает.

Вскоре Катерина вошла в комнату, а за ней потянулись запахи жаренных на медленном огне овощей. Она сняла фартук, села на диван и улыбнулась обоим своим Димитриям.

– Меня ждали, да?

– Ну конечно, – ласково ответил муж. – Это же и твоя история тоже.

И вот в полумраке гостиной, напоминавшем не то рассветные, не то закатные сумерки, начался рассказ.

Глава 1

Май 1917 года

Сквозь бледный, легкий, словно газовая ткань, туман сверкало море. Приморский город, самый энергичный и самый космополитичный в Греции, жил своей жизнью. Это был город необычайного культурного многообразия, где христиане, мусульмане и иудеи, составлявшие почти равные доли населения, жили бок о бок и дополняли друг друга, словно переплетенные между собой нити восточного ковра. Пять лет назад Салоники перестали быть частью Османской империи и вошли в состав Греции, но так и остались территорией многообразия и толерантности.

Цвета и контрасты этой пестрой этнической смеси отражались в разнообразии нарядов на улицах: тут были мужчины в фесках, в шляпах и тюрбанах. Еврейки ходили в традиционных жакетах с меховой оторочкой, а мужчины-мусульмане – в длинных халатах. Состоятельные гречанки в прекрасно сшитых нарядах с намеком на парижскую высокую моду представляли собой разительный контраст с крестьянками в богато украшенных вышивкой передниках и в платках, носившими из ближайших деревень продукты на продажу. В верхней части города преобладали мусульмане, в приморской – евреи, греки же в основном населяли городские окраины, однако никакой сегрегации не было, и во всех рай-

онах жили вперемешку люди всех трех культур.

Поднимавшиеся на холм за огромной полукруглой аркой береговой линии, Салоники напоминали гигантский амфитеатр. На вершине холма, в самой высокой точке над уровнем моря, старинная стена обозначала границу города. Если посмотреть оттуда вниз, прежде всего в глаза бросались приметы той или иной религии. Словно булавки из игольницы торчали десятки минаретов; тут и там по всему городу, широко раскинувшись до самого залива, виднелись отделанные красной черепицей церковные купола и десятки светлых зданий синагог. Рядом с этими символами трех процветающих религий попадались и те, что остались с римских времен: триумфальные арки, фрагменты древних стен и редкие открытые площадки, где все еще стояли, словно часовые, древние колонны.

За последние несколько десятков лет город похорошел: кое-где протянулись широкие бульвары, так непохожие на соседствующие с ними старинные запутанные улочки, что извивались, как змеи на голове горгоны Медузы, избегая на крутой холм, в верхнюю часть города. Появилось несколько больших магазинов, хотя по большей части торговля по-прежнему шла в маленьких, не больше киоска, лавочках – семейных предприятиях, которых тут были тысячи, и все соперничали между собой, теснясь рядом на узких улочках. Помимо сотен традиционных кафенио, были здесь и кафе в европейском стиле, где подавали венское пиво, и клубы,

где говорили о политике и философии.

Город был плотно населен. При таком количестве жителей, сосредоточенном в пространстве, окруженном стенами и водой, здесь необычайно сгущались крепкие запахи, яркие цвета и неумолчный шум. Крики торговцев льдом, торговцев молоком, торговцев фруктами, торговцев йогуртом – все они имели свой особый тон, а вместе сливались в один благозвучный аккорд.

Ни днем ни ночью не смолкала в этом городе все та же неизменная музыка. Здесь говорили на многих языках: не только на греческом, турецком, латыни и на языке евреев-сефардов; на улицах нередко можно было услышать и французский, и армянский, и болгарский. Звон трамваев, крики уличных торговцев, регулярные призывы на молитву, выкликаемые десятками муэдзинов, лязг цепей на кораблях, входящих в док, грубые голоса портовых грузчиков, выгружающих на берег продукты первой необходимости и предметы роскоши, чтобы утолить аппетиты и бедных, и богатых, – все это вместе составляло нескончаемую мелодию города.

Городские запахи бывали иной раз не такими сладкими, как звуки. От кожевенных заводов остро несло мочой; в некоторых, самых бедных, районах канализационные воды и гниющие объедки до сих пор сливали в море. А когда женщины потрошили пойманную накануне рыбу, они бросали там же еще теплые, остро пахнущие обрезки, на которые жадно набрасывались кошки.

В центре находился цветочный рынок, где аромат держался в воздухе еще много часов после того, как хозяева киосков закрывали их и уходили домой, а на длинных улицах цветущие апельсиновые деревья давали не только тень, но и испускали самый пьянящий на свете запах. У дверей многих домов буйно разрастался жасмин, и его белые лепестки устилали дорогу, будто снег. Весь день в воздухе плыли ароматы кухни, вместе с запахом жареных кофейных зерен поднимавшиеся от маленьких печурок и разносящиеся по всей улице. На рынке продавцы раскладывали разноцветные пряности – куркуму, паприку, корицу – маленькими островерхими горками, а над кальянами, которые курили возле кафе, висели клубы сладкого дыма.

В Салониках в это время расположилось временное правительство, возглавляемое бывшим премьер-министром Элефтериосом Венизелосом. По всей стране прошел глубокий раскол (известный также как национальный раскол) между теми, кто стоял за прогерманского монарха, короля Константина I, и сторонниками либерала Венизелоса. В результате того, что последнему удалось взять под свой контроль Северную Грецию, союзные войска сейчас подошли к самому городу, готовясь выступить против Болгарии. Несмотря на эти отдаленные грозовые раскаты, жизнь большинства людей мировая война никак не затронула. Кое-кому даже принесла обогащение и новые возможности.

Одним из таких людей был Константинос Комнинос,

и в это великолепное майское утро он шествовал своей обычной важной походкой по мощеной верфи. Он приходил проверить, не прибыла ли партия тканей, и носильщики, нищие и мальчишки с тележками расступились перед ним, когда он направился прямо к выходу. Все знали, что Комнинос не отличается терпением, когда кто-нибудь становится у него на пути.

Туфли у Константиноса запылились, к тому же к подошве намертво прилип кусок свежего мульего навоза, и когда Комнинос привычно остановился перед чистильщиком, одним из тех, что сидели в ряд перед зданием таможни, тому пришлось поработать минут десять, не меньше.

Этот чистильщик – ему было уже под восемьдесят, и его кожа была такой же темной и жесткой, как ботинки, на которые он наводил глянец, – чистил обувь Константиносу Комниносу уже тридцать лет. Они кивали друг другу в знак приветствия, но никогда не разговаривали. Это было в обычае Комниноса: все его повседневные дела устраивались без разговоров. Старик трудился, пока кожа не заблестела – отполировал оба дорогих ботинка одновременно, нанес крем, а под конец прошелся по ним быстрыми широкими мазками щетки, двумя руками сразу – руки эти так и летали туда-сюда, вверх-вниз, из стороны в сторону, словно он дирижировал оркестром.

Еще не закончив работу, он услышал, как звякнула монетка, упавшая в его лоток. Всегда одного достоинства –

ни больше ни меньше.

Сегодня, как всегда, Комнинос был в темном костюме и, несмотря на нарастающую жару, не снимал пиджака. Такие привычки являлись знаком социального положения. Идти по делам без пиджака было так же немыслимо, как снять доспехи перед битвой. Язык официального костюма, как мужского, так и женского, – это язык, понятный ему, язык, сделавший его богатым. Мужчине костюм придает статус и достоинство, а женщине хорошо сшитая одежда в европейском стиле – элегантность и шик.

Торговец тканями краем глаза заметил свое отражение в сверкающей витрине одного из новых универсальных магазинов, и этого мимолетного взгляда было достаточно, чтобы напомнить ему: пора зайти к парикмахеру. Он сделал крюк, свернул в боковую улочку, идущую вверх от моря, и вскоре уже с комфортом расположился в кресле; тут же его лицо было намылено и все, не считая усов, гладко выбрито. Затем волосы были тщательно подстрижены, так, чтобы расстояние от края воротника до линии волос составляло ровно два миллиметра. Комнинос с неудовольствием заметил, что в волосках, которые парикмахер сдул с ножниц, поблескивает серебро.

Наконец, прежде чем отправиться в свой торговый зал, он присел за маленький круглый столик, и официант принес ему кофе и его любимую газету, правую «Македонию». Он просмотрел новости, ознакомился с последними полити-

ческими интригами в Греции, а потом быстро пробежал глазами статью о военных событиях во Франции. В заключение он провел пальцем по строчкам с курсами акций.

Война была выгодна для Комниноса. Он открыл большой торговый зал недалеко от порта, чтобы легче было вести новый бизнес – поставки материи для военной формы. Сейчас, когда в армию призывали десятки тысяч, это было грандиозное предприятие. Он не успевал нанимать новых людей и отдавать распоряжения. Каждый день требовалось все больше и больше.

Константинос выпил кофе одним глотком и поднялся, чтобы уйти. Каждый день он испытывал острое чувство удовлетворения, просыпаясь и начиная работу с семи утра. Сегодня его радовала мысль, что у него есть еще восемь часов в конторе перед отъездом в Константинополь. До отплытия нужно заняться важными бумагами.

В этот день его жена Ольга Комнинос выглянула из их особняка на улице Ники и стала смотреть на гору Олимп, едва проступающую сквозь туман. Становилось все жарче, и она открыла одно из больших, от пола до потолка, окон, чтобы немного проветрить, но ни малейшего дуновения не ощущалось. Звуки разносились далеко – слышались призывы на молитву вперемешку с цокотом копыт, стуком колес по мостовой и гудками паровозов, сигнализирующих отправ-
ление.

Ольга снова села и забралась с ногами на кушетку, придвинутую к окну. Изящные туфельки на низком каблуке она носила только дома, так что их можно было не снимать. Шелковое платье, почти того же оттенка, что и бледно-зеленая обивка кушетки, сливалось с ней, а иссиня-черные косы подчеркивали бледность Ольгиного лица. В этот унылый день Ольга не находила себе места и пила лимонад стакан за стаканом, наливая его из кувшина, который преданная служанка наполняла снова и снова.

– Принести вам еще что-нибудь, кирия Ольга? Может быть, чего-нибудь поесть? Вы сегодня совсем ничего не ели, – сказала она с ласковым беспокойством.

– Спасибо, Павлина. Мне что-то не хочется есть. Знаю, что надо бы, но сегодня просто... не могу.

– А вы точно не хотите, чтобы я послала за доктором?

– Должно быть, это просто жара.

Ольга снова откинулась на подушки, на висках у нее выступили капельки пота. Голова болела, и она приложила к ней ледяной стакан, чтобы стало полегче.

– Ну, если вы так и не поедите, мне придется сказать кириюсу Комниносу.

– Это совершенно ни к чему, Павлина. А кроме того, он вечером уезжает. Я не хочу его волновать.

– Говорят, к вечеру погода переменится. Станет прохладнее. Вам хоть немного полегчает.

– Надеюсь, правду говорят, – ответила Ольга. – Такое чув-

ство, что и буря может налететь.

Тут обоим послышалось что-то похожее на удар грома, но они сразу же поняли, что это хлопнула входная дверь. За этим звуком последовали ритмичные шаги по широкой деревянной лестнице. Ольга узнала деловитую поступь мужа и отсчитала стандартные двадцать петель вязания, прежде чем дверь распахнулась.

– Здравствуй, дорогая. Как ты себя чувствуешь сегодня? – оживленно спросил Константинос, подходя к кушетке, на которой лежала жена, и обращаясь к ней, как врач к не слишком толковому пациенту. – Тебе не жарко? – Комнинос снял пиджак и аккуратно повесил на спинку стула. Рубашка на нем была мокрой от пота. – Я зашел только чемодан уложить. Потом загляну еще в торговый зал на несколько часов перед отплытием. Если тебе нужен доктор, он придет. Павлина тут за тобой приглядывает? Ты что-нибудь ела со вчерашнего вечера? – Объяснения и вопросы следовали друг за другом сплошным потоком, без пауз. – Смотри, позаботься о ней как следует, пока меня не будет, – сказал Комнинос напоследок служанке.

Он улыбнулся лежащей жене, но она отвела глаза. Взгляд ее остановился на сверкающем море, видневшемся в открытом окне. И вода, и небо потемнели, рама открытого двустворчатого окна захлопала. Ветер переменился, и Ольга облегченно вздохнула, когда в лицо ей повеял бриз.

Она поставила стакан на столик и положила обе руки

на округлившийся живот. Платье было превосходно скрое-
но – так, чтобы скрыть признаки беременности, однако в по-
следние месяцы швы на нем уже трещали.

– Я вернусь через две недели, – сказал Комнинос, легонь-
ко целуя жену в макушку. – Береги себя, хорошо? И ребенка.

Они разом посмотрели в одну сторону – в окно с видом
на море, в которое уже хлестал дождь сквозь занавеску. Небо
прорезала вспышка молнии.

– Пришли мне телеграмму, если будет срочная необходи-
мость. Но я уверен, что не будет.

Ольга ничего не сказала. И не поднялась.

– Я тебе привезу какие-нибудь хорошенькие вещицы, –
закончил он, словно говорил с ребенком.

Помимо целого корабля, груженного шелком, он собирал-
ся привезти жене какие-нибудь украшения – что-нибудь по-
лучше, чем изумрудное ожерелье и такие же сережки, кото-
рые он подарил ей в прошлый раз. Волосы у нее были чер-
ные как смоль, и он предпочитал для нее красный цвет. По-
жалуй, лучше купить рубины. Как и сшитые на заказ костю-
мы, драгоценные камни – тоже признак статуса, а его жена
всегда была превосходной моделью для демонстрации всего,
что он желал выставить напоказ.

С его точки зрения, жизнь сейчас была хороша, как нико-
гда. Он вышел из комнаты легкой походкой.

Ольга смотрела через окно на дождь. Наконец-то влаж-
ная жара сменилась бурей. Потемневшее небо раскалыва-

лось от молний, а по аспидно-серому морю бежали белые барашки – взлетали на волнах, падали и разбивались в пену. Улицу перед домом Комниносов вскоре совсем затопило. Каждые несколько минут вода по огромной дуге заливала набережную. Буря была необычайно свирепой, и при виде лодок, подскакивающих на волнах в бухте, Ольга вновь ощутила ужасную тошноту, которая мучила ее в последние месяцы.

Она встала, чтобы закрыть окно, однако, почувствовав странный, но приятный запах мокрых от дождя камней, решила оставить его открытым. Воздух казался теперь почти свежим после дневной духоты, и она снова легла и закрыла глаза, наслаждаясь ощущением соленого ветра на щеках. Через минуту она уже спала.

Теперь она была одиноким моряком на рыбацкой парусной лодке, борющейся со свирепыми волнами. Платье развевалось на ветру, распущенные волосы липли к щекам, от соленой воды щипало глаза; горизонт пуст, солнца на небе нет, и невозможно понять, куда она плывет. Паруса надувал мощный юго-западный ветер, гнавший лодку со страшной скоростью, накрывая так, что вода переливалась через борт. Когда ветер внезапно стих, паруса обвисли и захлопали.

Ольга держалась, стоя одной ногой на скользком планшире, а другой – на уключине, и отчаянно старалась не обращать внимания на качку и рев волн. Она не знала, где безопаснее – в лодке или в воде, ей ведь ни разу не приходилось

бывать в плавании. Платье уже промокло, и от водяной пыли на лице и в горле она начинала задыхаться. Вода все хлестала через борт, и, когда ветер задул снова и наполнил грот, шквал наконец опрокинул лодку.

Может быть, тонуть – это не больно, подумала Ольга, уже не сопротивляясь, когда отяжелевшая одежда потянула ее вниз. Неуклонно погружаясь вместе с лодкой, она увидела бледный силуэт младенца, плывущего к ней, и протянула к нему руки.

Тут раздался ужасающий грохот – лодку ударило о скалу. Голый младенец пропал, и Ольгины судорожные вздохи сменились всхлипами.

– Кирия Ольга! Кирия Ольга!

Ольга слышала чей-то отдаленный голос, задыхающийся, отчаянный.

– Вам плохо? Вам плохо?

Ольга узнала этот голос. Значит, помощь пришла.

– Я думала, вы в обморок упали! – воскликнула Павлина. – Думала, запнулись обо что-нибудь! Матерь Божья! Думала, вы расшиблись! Внизу что-то так загрохотало.

В смятении, все еще где-то между сном и явью, Ольга открыла глаза и увидела прямо перед собой лицо служанки. Павлина стояла на коленях рядом и встревоженно смотрела ей в глаза. За ее спиной было видно, как вздувается и опадает занавеска от пола до потолка, словно огромный парус, и тут же под силой ветра тяжелая атласная портьера взлетела

вверх и развернулась горизонтально вдоль комнаты. Конец ткани задел край маленького круглого столика, а затем лизнул его уже пустую поверхность.

Не осознавая еще, что происходит, почти как в тумане, Ольга начала догадываться, чем был вызван тот грохот, что разбудил ее и всполошил Павлину. Она отвела рукой прядь волос, упавшую на лицо, медленно села и увидела осколки двух фарфоровых статуэток, разлетевшиеся по всей комнате: отбитые головы, руки – произведения искусства ценной в тысячи драхм буквально разлетелись в пыль. Тяжесть камчатного полотна и сила ветра скинули их безжалостно на твердый пол.

Ольга вытерла мокрое лицо тыльной стороной ладони и поняла, что слезы не ушли вместе с кошмарным сном. С трудом переводя дыхание, она услышала собственный крик:

– Павлина!

– Что такое, кирия Ольга?

– Мой ребенок!

Павлина протянула руки и пощупала хозяйкин живот, затем лоб.

– Никуда он не делся! Не сомневайтесь! – весело заключила она. – Но лоб у вас немного горячий... и щеки мокрые, по-моему!

– Кажется, мне приснился дурной сон... – прошептала Ольга. – Совсем как наяву.

– Может, послать за доктором?..

– Это ни к чему. Я уверена, что все хорошо.

Павлина уже стояла на коленях на полу, собирая осколки фарфора в фартук. И одну-то фигурку в таком состоянии восстановить – нелегкая задача даже для опытного мастера, а после того как части двух перемешались между собой, это было и вовсе невозможно.

– Это всего лишь фарфор, – успокоила Ольга, видя, как расстроилась Павлина.

– Что ж... Пожалуй, могло быть хуже. Я ведь и правда думала, это вы упали.

– Со мной все хорошо, Павлина, ты же видишь.

– А я-то должна была смотреть за вами, пока кириоса Константиноса нет.

– Ты и так смотришь. И отлично справляешься. И прошу тебя, не волнуйся из-за этих статуэток. Я уверена, Константинос даже не заметит.

Павлина была членом семьи Комнинос намного дольше самой Ольги и знала, какую цену имеют такие коллекционные фигурки. Она поспешно подошла к окну и стала его закрывать. От дождя на ковер натекла лужа, и Павлина увидела, что край нарядного шелкового платья Ольги тоже намок.

– Ох ты, господи! – засуежилась она. – И что ж это я раньше не прибежала. Тут ужасный беспорядок, правда?

– Не закрывай, – попросила Ольга и встала рядом, чувствуя брызги на лице. – Так хорошо освежает. Ковер высох-

нет, как только дождь перестанет. Все равно жарко так.

Павлина привыкла к тому, что у Ольги иной раз бывают странные причуды. Это было ей в новинку после той чопорности, с какой Ольгина покойная свекровь, старая кирия Комнинос, столько лет управляла этим домом.

– Ну что ж, только смотрите не промокните, – сказала Павлина, снисходительно улыбаясь. – Вы же не хотите простудиться, в вашем-то положении.

Ольга опустилаcь в кресло, стоявшее подальше от окна, и стала смотреть, как Павлина тщательно собирает осколки. Даже если бы Ольга и была способна нагнуться, Павлина все равно не позволила бы ей помочь.

За тучной фигурой ползающей на коленях служанки Ольге было видно бурное море. Несколько кораблей стояли в бухте, еле видные сквозь шторм, изредка их освещали вспышки молний.

Богато украшенные часы на каминной полке пробили семь. Ольга вспомнила, что Константинос, должно быть, уже около часа как вышел в море. Большие корабли редко останавливала такая погода.

– Если ветер будет попутный, так, пожалуй, кириос Константинос только быстрее доберется до места, – словно услышала ее мысли Павлина.

– Вероятно, – рассеянно ответила Ольга.

Сейчас для нее существовало только одно: легкие толчки в животе. Она подумала, может, малыш услышал шторм

и почувствовал, будто его кидает на волнах. Она любила своего еще не рожденного ребенка безмерно и все представляла себе, как он безмятежно плавает в прозрачной воде у нее внутри. Слезы вперемешку с солеными морскими брызгами катились по ее лицу.

Глава 2

Когда пришел лихорадочный август, жители Салоников начали тосковать по теплomu маю. Сейчас было сорок градусов в тени, и люди закрывали окна и ставни, чтобы ужасающая жара не проникала в дом.

Ветерок какой-никакой веял, но не приносил облегчения: западный вардарис обдавал город своими горячими порывами, покрывая все в доме слоями тонкой темной пыли. В самое жаркое время дня улицы пустели, и приезжий путешественник мог вообразить, будто эти дома заброшены. В них было тихо: люди лежали в темноте, дышали неглубоко и неслышно, стараясь меньше обонять зловоние.

И воздух, и море были одинаково тяжелыми и неподвижными. Когда дети ныряли, волны зыби расходились на сто метров по бухте. А когда вылезали, то тотчас же обсыхали, и на коже оставался только едкий налет соли. Ночью мало что менялось: воздух был по-прежнему неподвижен, как и стрелка барометра.

Константинос Комнинос задержался с возвращением из Турции, однако к концу месяца все же прибыл домой. К этому времени Ольге уже казалось, что ее беременность длится целую вечность. Ее тонкие лодыжки отекали, а когда-то изящная грудь так разбухла, что не уместалась ни в одно платье, даже сшитое специально с расчетом на беремен-

ность. Константинос отговорил жену шить что-то новое в ее положении, и она ходила в просторной белой ночной сорочке из хлопка, достаточно свободной, даже если бы за последние недели беременности Ольга еще раздалась.

Через несколько дней после возвращения Константинос перебрался в отдельную спальню.

– Тебе места не хватает, – сказал он Ольге. – Будет неудобно, если я полкровати займу.

Ольга не возражала. Каждая ночь проходила все более беспокойно, и чаще всего ей удавалось поспать не больше часа. Она подолгу лежала на спине в темноте, смотрела в черную пустоту спальни с закрытыми ставнями и чувствовала, как сильно толкается ребенок в животе. Толчки были настойчивыми и регулярными. Иногда казалось, что ребенок двигает руками и ногами разом, и в Ольгином воображении рисовалась картинка, какой он будет – сильный, непоседливый, энергичный. Она не допускала даже мысли о том, что ребенок может оказаться девочкой. В этом случае от Константиноса можно было ждать по меньшей мере разочарования, если не хуже. Ольга и так уже знала, что не оправдала ожиданий, потому что долго не могла забеременеть, и муж не скрывал своего раздражения. На момент замужества ей было далеко за двадцать; до того дня, как доктор объявил, что миновал четвертый месяц и беременность, по всей видимости, протекает благополучно, прошло более десяти лет. За эти годы ей не раз случалось с замиранием серд-

ца ощущать, что теперь-то момент наверняка настал, но раз за разом, к ее отчаянию, все заканчивалось предательским кровотечением через месяц-другой.

Ее рука лежала на выпирающем животе, и пальцы вздрагивали в такт толчкам – один толчок, другой... «Скорее бы уже родить», – думала она и напевала, словно стараясь убавлять ребенка, но в то же время успокаивая саму себя.

Часы тикали на каминной полке в спальне, еще одни – в коридоре, и бой часов в гостиной каждые пятнадцать минут сообщал, сколько прошло времени, помогая отсчитывать его до того момента, когда можно будет встать. Ольга с нетерпением ждала, когда эта пора придет.

То, что Ольге не хватало места на кровати, было правдой, однако более существенным для Константиноса было легкое отвращение к ее изменившемуся телу. Он почти не узнавал эту женщину. Как могла манекенщица, на которой он женился, женщина со стройными бедрами и талией, которую он мог бы обхватить пальцами, превратиться в нечто такое, к чему он почти брезговал прикоснуться? Его отталкивал этот круглый живот с туго натянутой кожей и огромные темные соски.

В эти последние недели, лежа без сна и считая удары бьющих не в лад часов, Ольга часто слышала тихие шаги на лестнице и едва различимый стук двери в конце коридора. Она подозревала, что, когда ложится спать, Константинос ускользает из дома и тайно посещает самые дорогие го-

родские бордели, но ни на минуту не чувствовала себя вправе протестовать. Может быть, когда-нибудь ей снова удастся вернуть его расположение.

Ольга знала, что Константинос взял ее в жены за красоту. Она не питала иллюзий. Ее выбрали так же, как лучшие портные выбирают одну из множества манекенщиц. Будучи бесприданницей (ее родители умерли, когда ей еще и десяти не было), она считала, что в каком-то смысле ей посчастливилось. Многие манекенщицы, работавшие в Салониках, в конце концов оказывались во все разрастающемся квартале красных фонарей.

Правда, она иногда задумывалась о том, что было бы, выйди она замуж по любви, и понимала, что красота стала для нее не только спасением, но и проклятием. Ольга знала, что это такое – быть товаром, вроде рулона шелка или позолоченной статуэтки, купленным и выставленным напоказ.

Став старше, она начала понимать, что физическое совершенство может быть тяжким бременем, и в то же время, стоило Ольге утратить его, как ее охватило беспокойство. В последние месяцы она с нарастающей тревогой наблюдала за тем, как увеличивается в размерах ее тело: проступившие вены, торчащий пупок, живот, выпятившийся так, что кожа на нем натянулась до предела и верхний ее слой даже начал расходиться, оставляя десятки бледных полосок, словно от капель дождя на стекле.

Хотя из-за постоянной тошноты она почти ничего не ела,

тело продолжало раздаваться вширь. Каждое утро, когда Павлина заплетала черные как смоль волосы хозяйки и укладывала вокруг головы, две женщины беседовали, глядя друг на друга в зеркале.

– Вы так же красивы, как и были, – уверяла Павлина. – Разве что в талии немножко поправились.

– Я чувствую, что меня раздуло. Ничего красивого в этом нет. И я знаю, что Константинос меня теперь не выносит.

Павлина встретила Ольгин взгляд в зеркале и увидела в нем грусть. Такой, несчастной, она была еще красивее. Увлажняясь, ее черные, как патока, глаза становились еще глубже.

– Он вернется к вам, – сказала служанка. – Как только ребенок родится, так все и наладится. Вот увидите.

Павлина говорила со знанием дела. Она сама к двадцати двум годам родила четверых детей и после первых трех родов могла служить живым примером того, что женское тело, как бы чудовищно ни раздалось во время беременности, может вернуться в прежнюю форму. Однако после четвертых родов оно в конце концов утратило эластичность. Ольга взглянула на уютную фигуру служанки – по ней скорее скажешь, что она вот-вот родит, чем по самой Ольге.

– Надеюсь, ты права, Павлина, – сказала она, откладывая в сторону скатерть, на которой медленно и неловко вышивала кайму.

– И когда же вы думаете закончить? – поддразнила ее Пав-

лина, поднося к глазам кусочек ткани, чтобы оценить работу хозяйки. – Ребеночек-то уже в этом месяце должен родиться, так? Или на будущий год отложите?

За шесть месяцев Ольгиных стараний вышивка почти не продвинулась. Иглы выskalывали из вспотевших пальцев, несколько раз ей случалось уколоться, и капли крови оставляли пятна на кремовом полотне.

– Никуда не годится, да?

Павлина улыбнулась и взяла у нее скатерть. Возразить было нечего. Ольгины руки не были созданы для вышивания. Пальцы у нее были тонкие и изящные, но с иглой управляться не умели. Для нее это был просто способ убить время.

– Я ее выстираю, а потом закончу сама, хорошо?

– Спасибо, Павлина. Тебе не трудно?

Все последние месяцы Ольга ощущала беспокойство, но в это раннее августовское утро просто не находила себе места. Ей ни минуты не лежалось спокойно. Когда она сидела, спина болела сильнее, чем в стоячем положении, и боли в животе, уже около недели слегка дававшие о себе знать, усилились. Каждые несколько минут она едва не теряла сознание от боли. Наконец-то ее время пришло.

Была суббота, однако Константинос ушел в контору в половине седьмого, как обычно.

– До свидания, Ольга, – сказал он, входя в комнату в ту минуту, когда схватки ненадолго прекратились. – Я буду в торговом зале. Павлина пошлет за мной, если будет нужно.

Ольга попыталась улыбнуться, когда он взял ее ладони в свои. Это должно было ее успокоить, но жест был мимолетным, как касание птичьего пера, — простая формальность, от которой она чувствовала себя не более, а менее любимой. Муж словно бы не заметил ее боли и не услышал ее тихих стонов, когда входил в комнату.

Вскоре она уже выла в голос, потому что накатывающая волнами боль стала нестерпимой, и цеплялась за Павлину так, что на руке служанки остались следы от пальцев. Нет, такие чудовищные муки могли означать только конец жизни, а не ее начало.

Прохожие изредка слышали вопли, полные мучительной боли, но такие звуки не были чем-то необычным в этом городе, к тому же они тонули в какофонии трамвайного звона, скрипа повозок и криков уличных торговцев. В десять часов Павлина послала за доктором Пападакисом, который подтвердил, что ребенок вот-вот появится на свет. Положение Константиноса Комниноса в обществе было таково, что доктор не мог не остаться с его женой, пока роды благополучно не закончатся.

В последние часы родовых мук Ольга уже ни на минуту не отпускала Павлинину руку. Она боялась, что иначе ее неотвратимо затянет в темный туннель боли и унесет из жизни.

Свободной рукой Павлина обтирала лоб хозяйки прохладной водой, которую ей все время носили из кухни.

– Постарайтесь, чтобы она немного расслабилась, – посоветовал доктор Павлине.

Служанка знала по собственному опыту, что, когда у тебя все тело разрывает болью, такие рекомендации совершенно нелепы. Сказать бы ему все, что она об этом думает, но это не имело никакого смысла. Она закусила губу. Этому человеку уже за семьдесят. Пусть он за время своей работы принял хоть тысячи младенцев, но все равно даже приблизительно не представляет, каково сейчас Ольге.

Постель была мокра от пота, воды и той жидкости, что хлынула из нее потоком. Ольга чувствовала, что погружается почти в беспамятство, и думала о кошмарном сне, который приснился ей несколько недель назад и который в том или ином виде раз за разом возвращался к ней в последние дни.

Доктор устроился в удобном кресле и читал газету, время от времени поглядывая на часы, а затем бросая взгляд на Ольгу. Казалось, он следил за ней, а может, просто прикидывал, долго ли еще до обеда.

Тяжелые шторы были почти закрыты, и в комнате царил полутьма. Доктор держал газету так, чтобы на нее падал луч света, пробивавшийся в щель. Только когда от Ольгиных криков, казалось, едва не разлетелось в куски зеркало, он наконец поднялся. Не подходя слишком близко, чтобы не подвергать опасности свой безупречно чистый, без единого пятнышка светлый костюм, он стал выдавать новые указания:

– Головка уже показалась. Теперь нужно тужиться, кирия Комнинос.

Для нее сейчас не было ничего естественнее. Всем существом она желала этого, и в то же время это казалось невозможным, словно ей приходилось выворачиваться наизнанку.

Прошло около часа. Павлине этот час показался сутками, а Ольге – бесконечностью, в которой ее жизнь измерялась одними только приступами боли. Она впала в какое-то иступление. Она не знала, что сердце у нее едва не остановилось и что бедное сердечко младенца было на волосок от гибели. Она чувствовала только одно – боль. Только боль и казалась реальной в эти последние минуты родовых мук.

Ребенок выплыл из тьмы на слабый свет, заполнивший комнату. И закричал. Боли у Ольги прекратились, и она поняла, что этот тонкий вопль не ее. Это какой-то новый звук.

С минуту она лежала молча, не шевелясь. Не в силах вздохнуть. Слезы смертельной усталости и облегчения текли по ее лицу. Ольга почувствовала, что внимание двух людей, до сих пор сосредоточенное на ней, переключилось на что-то другое, находящееся в комнате. Они стояли к ней спиной, и она инстинктивно понимала, что их не нужно отвлекать.

Она закрыла на минутку глаза и прислушалась к их тихому воркованию. Ей не о чем беспокоиться. Ольга чувствовала присутствие четвертого человека в этой комнате. Она знала, что он здесь.

– Кирия Ольга...

Ольга увидела, что Павлина стоит у ее кровати. На фоне белой блузки и необъятной груди служанки маленький белый сверток почти терялся.

– Ваш... ребенок. – Она едва выговорила эти слова. – Вот он, ваш ребенок. Ваш сын. Ваш мальчик, кирия Ольга!

Да, это был он. Павлина положила крохотное существо в Ольгины протянутые руки, и мать с сыном впервые взглянули друг на друга.

Ольга не могла говорить. Любовь нахлынула на нее мощной волной. Никогда она не испытывала более сильного чувства, чем нерассуждающее обожание этого маленького создания у нее на руках. В тот миг, как их глаза встретились, возникла неразрывная связь.

К Константиносу Комниносу послали гонца с сообщением, и, когда он пришел домой, доктор Пападакис ждал его внизу.

– У вас теперь есть сын и наследник, – доложил он с гордостью, словно все тут зависело именно от него.

– Превосходная новость, – ответил Комнинос таким тоном, словно ему сообщили о благополучном прибытии партии китайского шелка.

– Поздравляю! – прибавил Пападакис. – Мать и младенец чувствуют себя хорошо, так что я могу откланяться.

Было уже почти три часа, и доктору не терпелось уйти. Он всегда надеялся, что в субботу работы не будет, а главное, не хотел пропустить концерт, который давал сегодня приез-

жий французский пианист. Программа была полностью посвящена Шопену, и светское общество Салоников уже бурлило в предвкушении.

– Я на той неделе зайду их посмотреть, а если понадобится раньше, дайте мне знать, кириос Комнинос, – произнес он с механической улыбкой.

Мужчины пожали друг другу руки, и не успел еще доктор выйти за дверь, а Комнинос уже прошагал до середины широкой лестницы. Пора увидеть сына своими глазами.

Павлина помогла Ольге умыться и заново заплела ей косы. Кровать застелили свежими простынями, а младенец спал в колыбели рядом. Это была картина мира и порядка – именно то, что и любил Константинос.

Даже не взглянув на жену, он прошел через всю комнату и долго молча смотрел на запеленатого новорожденного.

– Ну разве не красавец? – спросила Павлина.

– Я не могу его как следует разглядеть, – ответил Комнинос с ноткой недовольствия.

– Вот проснется, еще насмотритесь, – заметила Павлина. Комнинос бросил на нее неодобрительный взгляд. – Я только хотела сказать, что сейчас лучше дать ему поспать. А как только проснется, я его сразу к вам и принесу. Лучше уж его не тревожить.

– Хорошо, Павлина, – ответил хозяин. – Не могла бы ты оставить нас на минутку?

Как только служанка вышла из комнаты, он взглянул

на Ольгу:

– А он?..

– Да, Константинос.

После стольких лет безуспешных попыток забеременеть Ольге был хорошо известен главный страх мужа: что когда она наконец сумеет родить ребенка, с ним окажется что-то не так. Теперь о ее тревоге – как же поступит Константинос, если такое случится, – можно было забыть.

– Он само совершенство, – просто сказала она.

Удовлетворенный, Комнинос вышел из комнаты. Его ждали дела.

Глава 3

В тот же знойный субботний день, может быть даже в ту же самую минуту, когда маленький Димитрий Комнинос появился на свет, одна женщина как раз начала готовить для своей семьи скудный ужин. Ее дом был совсем не похож на особняк Комниносов. Как и сотни других, он стоял в густонаселенном квартале, у старой городской стены, в северо-западной части города. Там жили самые бедные люди в Салониках – христиане, мусульмане, евреи и беженцы, теснившиеся друг у друга на головах. Денег на этих улицах не водилось, зато кипела жизнь.

Некоторые дома тут лепились прямо к городской стене, и пространства между ними едва хватало, чтобы повесить сушиться одну-единственную рубашку. Семьи были большие, денег мало, работу не всегда легко найти. В этом доме было четверо почти взрослых, но еще не женатых детей – число, типичное для этих мест. Мать работала с утра до вечера, чтобы накормить и обстирать свое маленькое племя, и если горшок с едой не кипел на огне, значит на его месте стоял котел с горячей водой. Она нужна была постоянно – для стирки, для того, чтобы смыть грязь с тела после ежедневной работы в порту.

Трое сыновей спали в большой комнате, а жена с мужем занимали единственную спальню, и там же спала шестнадца-

тилетняя дочь — на диване в ногах их кровати. Ничего другого придумать было нельзя, пока не выдашь ее замуж, что было крайне маловероятно для девушки без приданого.

Хозяйка дома делала покупки с расчетом и никогда не разбрасывалась деньгами — большую часть продуктов покупала у торговцев, что приходили из деревни с корзинами лука, картошки и бобов. Мясо было роскошью, его ели только по особым дням, но в супе часто плавали бараньи внутренности — их мясник отдавал даром, если к концу дня оставались нераспроданными. В этот день как раз такой суп и кипел на медленном огне — вечером съедят его с ломтями хлеба грубого помола, который мужу было велено купить по дороге домой. Пот стекал по голым мускулистым плечам женщины, когда она подбрасывала топлива в огонь под кипящим котлом. Каждым субботним вечером мужчины собирались вместе с двоюродными братьями и племянниками в продыmlенном кафенио — выпить, посудачить о событиях прошедшей недели. Сейчас, когда кругом гремела война — в Европе и не только, — всегда было что обсудить.

В подвале дома семья держала старого мула, а с ним и козу, чтобы был свой сыр и молоко, и, не считая тысяч мух, заселявшихся без приглашения, в этом убогом помещении обитало еще и несколько кур, строивших себе гнезда в грязной соломе. Они были приучены держаться подальше от задних ног мула, зато без страха собирали объедки возле самых ног козы. Когда из кухни не несло запахами еды, в доме сто-

яла вонь от навоза.

Вот в этот-то темный зловонный подвал и влетела в тот день искра из огня. И раньше тысячу раз такие вот кусочки горячей золы отлетали от трещавших в огне поленьев и медленно опускались на пол, где дотлевали еще пару секунд и гасли. Но эта пролетела с точностью метко наведенной стрелы сквозь узкую щель между половицами и на лету только сильнее разгорелась, набирая скорость.

Она упала на круп мула, откуда ее тотчас смахнул безостановочно и ритмично мотающийся хвост. Отлети уголек налево, он упал бы на мокрый, пропитанный мочой пол. Но он отправился направо, упал на ворох соломы и, не задержавшись на поверхности, проскочил вглубь, рядом с курицей, сидевшей на яйцах, – идеальные условия для того, чтобы жар еще тлеющей искры набрал силу.

Котел наверху все кипел. Усталая хозяйка ожидала своих мужчин домой приблизительно через час, а пока пошла наверх прилечь. Ее дочь была уже в спальне, лежала там одна в темноте. Куда легче было заснуть сейчас, пока родителей нет в комнате. По ночам отец обычно шумно и грубо лапал мать, а потом оба засыпали и храпели до утра.

Между тем внизу огонь уже разгорелся под ворохом соломы, однако запах паленых перьев и рев перепуганных животных не услышали ни мать, ни дочь – обе дремали двумя этажами выше.

Каких-нибудь несколько секунд – и языки огня пополз-

ли по деревянным балкам, добрались до потолка. Вскоре весь подвал был охвачен пламенем, стены и потолок превратились в сплошной огонь, он распространялся быстро и неуклонно – вверх, на следующий этаж, а затем наружу, к соседним домам.

Даже поднимающаяся в доме температура женщин не разбудила. Летом в Салониках жара часто стояла невыносимая. Наконец звук, похожий на страшный взрыв, заставил их вскочить. Это кухонный пол провалился в подвал.

В один миг обе женщины уже были на ногах и, забыв о сне, обливаясь потом от жары и ужаса, схватили друг друга за руки. Огонь уже охватил лестницу, и они поняли, что этот путь отрезан, но тут услышали знакомые голоса внизу, на улице.

Не было времени взвешивать риски. Сначала дочь, а за ней мать вскарабкались на подоконник и бросились вниз, полагаясь на милосердие стоявших там мужчин. А затем, когда их дом тут же аккуратно сложился и рухнул, бросились бежать со всех ног, подхваченные людским потоком, стремительно несущимся на восток. Вскоре они смешались с толпой, совершенно не подозревавшей о том, кто сыграл главную роль в этих страшных событиях.

Соседи скоро заметили клубы дыма и почувствовали аппетитный запах жареной козлятины, и все успели выскочить на улицу, пока их дома не загорелись. Некогда было гадать о причинах пожара, а глазеть – тем более. Огонь распространялся со всей огромной скоростью несущего его свирепого

горячего ветра.

За какой-нибудь час были уничтожены десятки домов. Эти по большей части деревянные постройки и летняя засуха превратили город в пороховую бочку. Дождей не было с самого июня, и остановить огонь было нечему. В городе имелось несколько пожарных насосов, но они все были старые, и толку от них было мало, да и все равно большая часть запасов воды шла в многочисленные лагеря союзной армии, стоявшие под Салониками.

В центре города, где еще не было видно никаких признаков пожара, Константинос Комнинос как раз подходил к своему торговому залу. Шаг у него был легкий, пружинистый. Наконец-то у него есть сын.

Поделиться новостью было не с кем, не считая одного человека. Сколько Комнинос помнил, в маленькой душной каморке у входа в торговый зал всегда, день и ночь, сидел смотритель, он же ночной сторож. Тасос служил здесь уже больше полувека. Раз или два в день он обходил ряды ткани, изредка выходил на улицу, чтобы отыскать продавца лимонада или купить табаку, но большую часть времени сидел на одном месте, посматривал по сторонам или спал. В высокое окно, выходящее на улицу, был виден кусочек неба. По ночам этот маленький темноволосый человек сворачивался клубком и засыпал на диване в той же тесной каморке, у стены. Комнинос понятия не имел, когда он ест и где умывается. Ему платили за то, чтобы он находился здесь двадцать четы-

ре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году, и за все те годы, что Комнинос знал его, он ни разу не пожаловался.

Услышав звук ключа в замке, Тасос вышел из своей норы, чтобы встретить хозяина. Он уже знал, что за Комниносом присылали из дому, и ему не терпелось услышать новости.

– Как здоровье кирии Комнинос? – спросил он.

– Она благополучно разрешилась от бремени, – ответил Константинос. – У меня сын.

– Поздравляю, кириос Комнинос.

– Спасибо, Тасос. Имеете что-нибудь сообщить?

– Нет, все тихо, как в могиле.

Константинос отпер главную дверь в торговый зал и уже собирался закрыть ее за собой, но тут Тасос окликнул его:

– Кириос Комнинос, чуть не забыл вам сказать: ваш брат заходил минут двадцать назад.

– Вот как?

При мысли о том, что брату что-то понадобилось в торговом зале в субботу, Комнинос недовольно поморщился. Субботние дни, когда зал был закрыт для покупателей, он всегда проводил в одиночестве – высчитывал доходы и расходы, проверял денежные поступления, просматривал счета прибылей и убытков, писал письма и занимался другими делами, несомненно подходящими исключительно главе предприятия.

– Он слышал, где-то на севере пожары начались, хотел узнать, не знаю ли я что-нибудь. Откуда бы мне знать, когда

я тут сижу целыми днями.

Комнинос пожал плечами:

– Это похоже на Леонидаса. Как в увольнении, так скорее сплетни собирать! Слава богу, хоть одному из нас и без этого есть чем заняться.

Комнинос любил прохаживаться в тишине по своему торговому залу, проводя пальцами по рулонам шелка, бархата, тафты и шерсти. Он мог на ощупь определить цену материи. Это была его главная радость в жизни. Для него в этих тканях было больше чувственности, чем в женской коже. Рулоны громоздились от пола до потолка, и на ковровых дорожках вдоль всего пятидесятиметрового зала стояли лестницы, чтобы можно было легко дотянуться до самых верхних рядов. От одного конца зала до другого все ткани были разложены по цвету – малиновый шелк рядом с пурпурной шерстью, зеленый бархат – с изумрудной тафтой. Своим торговым агентам он поручал подбирать не столько конкретные виды тканей, сколько определенные оттенки, и с одного взгляда видел, кому из них удалось решить эту задачу, а кому нет. Симметрия и идеальный порядок в помещении, без суеты персонала, радовали его безмерно. Отец Комниноса, от которого он и унаследовал этот бизнес, всегда брал его с собой в торговый зал, когда там не было ни служащих, ни посетителей и можно было насладиться тишиной и покоем.

– Запомни, – говорил он пятилетнему Константиносу, –

вот это и есть альфа и омега нашей жизни. — А затем показывал ему куски тканей, аккуратно разложенные в центре каждого полированного стола для резки. — Вот это альфа, — говорил он, проводя пальцем по ножницам, напоминающим по форме букву «а». — А вот это омега, — и он показывал на торцы рулонов, образующих идеально круглые «о». — Тому, кто родился в нашей семье, другие буквы знать и не обязательно.

Каждый день Комнинос вспоминал слова отца, а теперь с нетерпением ждал того часа, когда сможет повторить их своему сыну.

По субботам можно было посидеть здесь спокойно, не чувствуя устремленных на тебя взглядов персонала. Он догадывался, что его недолюбливают. Не то чтобы его это волновало, и все же было как-то не по себе. Константинос замечал, как люди обрывают разговор, когда он подходит, и чувствовал жжение между лопатками, когда они смотрели в его удаляющуюся спину.

Кабинет у него был устроен наверху, с окнами на три стороны, и из него прекрасно просматривался весь огромный зал, и в длину, и в ширину. Рабочим трудно было разглядеть его сквозь жалюзи, а сам он со своего наблюдательного пункта видел все. Важных клиентов он всегда приглашал в кабинет и приказывал принести туда кофе. В таких случаях Комнинос поднимал жалюзи, зная, что гигантская радуга тканей произведет впечатление на кого угодно. К нему приезжали

покупатели со всей Греции, и мало кто уходил, не закупив большую партию товара. Ни у кого из оптовых торговцев, даже в Афинах, не было такого разнообразия выбора, и он еле успевал выполнять новые заказы.

Помимо всего прочего, он был монопольным поставщиком шерсти для большинства военных частей, мобилизованных в Северной Греции, – сейчас, когда многотысячные союзные войска стояли у самого города и цены на все товары, от зерна до шерсти, взлетели. Самое время богачам делать деньги. Комнинос всегда разбирался в цифрах лучше, чем в буквах, и чуял, куда вложить средства.

Бизнес достался ему по наследству на двоих с братом Леонидасом, который был моложе на восемь лет, однако молодому человеку вовсе не улыбалось сидеть целыми днями в этом сарае, что именовался торговым залом, а еще меньше – вникать в тонкости коммерческих операций с шерстью в зависимости от ее цены на рынке. Леонидас был армейским офицером, и жизнь воина была ему ближе, чем жизнь коммерсанта. Между братьями не было абсолютно ничего общего, если не считать родителей, и теперь, когда их не стало, эти двое ощущали друг к другу не столько любовь, сколько неприязнь. Еще в детстве трудно было поверить, что они родные. Леонидас – высокий, светловолосый, голубоглазый – был Аполлоном, а брат рядом с ним – Гефестом.

В то время как Константинос сидел в кабинете, изучая свой гроссбух и производя в уме вычисления прибы-

лей за прошедшую неделю, процентных ставок и растущих издержек, которые должен компенсировать новый заказ на пятнадцать тысяч метров шерсти для солдатских шинелей (на это можно пустить материю, что лежит у него на складе уже два года, но продать по цене нынешнего), его брат бежал сломя голову по пустынной улице.

Тасос, прилегший вздремнуть после обеда, проснулся от грохота двери, которую распахнул ворвавшийся в зал Леонидас.

– Тасос... – еле выговорил тот, задыхаясь, – нам нужно найти Косту!

– Он здесь. У себя в кабинете, – ответил смотритель. – Да что такое случилось? Никогда не видел вас в такой спешке!

Леонидас пробежал мимо него и взлетел по винтовой лестнице, прыгая через две ступеньки.

– Коста, в городе пожар! Нужно вывезти хоть часть товара!

– Тасос говорил мне, что ты бегал смотреть на какой-то пожар, – отозвался старший брат, не поднимая глаз от столбиков цифр. Чувство собственной важности и достоинства не позволяло ему показывать, что это известие его взволновало. – Не потушили еще?

– Нет! Бушует всюю, Коста! С ним не могут совладать! Сам выйди на улицу и принюхайся! Он приближается! Бога ради! Я не выдумываю!

Константинос услышал в голосе брата страх. Это был не тот тон, каким он говорил, когда пытался кого-то разыграть.

Леонидас взял брата под руку и повел вниз, а затем на улицу.

– Еще не видно, но запах чувствуешь? А посмотри-ка на небо! До заката далеко, а уже темнеет!

Леонидас был прав. Запах гари отчетливо ощущался в воздухе, и ясное небо затянулось дымкой.

– Я хочу посмотреть, где горит, Леонидас. Не хотелось бы паниковать понапрасну.

– Ну, я знаю, где горело десять минут назад, а сейчас уже может где угодно... Ладно, идем посмотрим, не начали ли огонь останавливать.

На ходу Константинос рассказал брату, что у того теперь есть племянник. Момент для такой новости был не самый подходящий, но Константинос не мог отказать себе в удовольствии сообщить, что на свет появился наследник его дела.

Леонидас очень любил невестку и, бывая в увольнении, непременно старался навеститься на улицу Ники, чтобы навестить не столько брата, сколько Ольгу. Если ему когда-нибудь суждено жениться, думал он, то хотелось бы найти такую же красивую и спокойную жену, как она. Иногда он сомневался, достоин ли такой холодный человек, как Константинос, такой прекрасной женщины, и старался не думать

о том, что было бы, если бы он встретил Ольгу первым.

— Это замечательно, — сказал он. — А тебе не кажется, что сейчас тебе лучше бы побыть с ней?

— Всему свое время, — ответил Константинос.

Леонидас в недоумении покачал головой. Он думал не только об Ольге и малыше, но еще и о славной Павлине, к которой был глубоко привязан.

По мере того как они торопливо шагали на север, дым становился все гуще, и Константинос остановился завязать лицо шелковым платком для защиты от пепла, кружившегося в воздухе. Они свернули на главную улицу и увидели движущуюся навстречу толпу. Константиносу случилось видеть много сборищ во время политических беспорядков в последние годы, но эти люди производили совершенно иное впечатление.

Многие сгибались под тяжестью своих пожитков — громоздких вещей, которые удалось спасти из огня: шкафчиков, зеркал, даже матрасов. Слишком большая ценность, которую нельзя было бросить просто так. Все носильщики города слетелись сюда, учуяв возможность пожить на несчастье, и теперь их ручные тележки, заваленные беспорядочными кучами всевозможных чужих вещей, перегородили всю улицу.

На горизонте, еще довольно далеко, Константинос со всей очевидностью увидел яркое зарево огня, поднимающегося к самому небу.

– Теперь веришь? – спросил Леонидас и остановился, закашлявшись и с трудом переводя дыхание.

– Нужно идти назад, в торговый зал, – произнес Константинос ослабевшим от страха голосом. – И найти как можно больше носильщиков.

Эта мысль пришла слишком поздно. Всех мужчин, физически способных что-то перенести, уже перехватили другие наниматели. Глядя на образовавшуюся свалку, братья поняли, что им остается полагаться только на себя. Вот разве что Тасос поможет. Они повернули назад, к торговому залу, и пустились почти бегом.

– Думаю, у нас осталось самое большее пара часов, если только огонь вскорости не остановят, – бросил через плечо Леонидас.

Константинос старался не отставать от брата, который был на голову выше его и куда более атлетически сложен. В ответ он только промычал что-то. Бегать ему не приходилось уже по меньшей мере лет двадцать, и теперь в груди жгло. Мысль о том, что он может потерять свои товары, подгоняла его, и через десять минут оба уже стояли в дверях торгового зала и объясняли Тасосу, что нужно делать.

– Я выберу самые ценные ткани, – сказал старший брат, – и вы с Леонидасом вытаскивайте их первыми! Складывайте у дверей, потом перевезем по очереди на тележке через улицу Эгнатия. По тридцать рулонов на тележку должно уместиться.

Улица Эгнатия была широким бульваром, идущим через весь город с запада на восток.

– Туда-то уж огонь никак не дойдет, все, что мы перевезем на южную сторону, останется в целости, – сказал Леонидас.

Они втроем принялись за работу. Впервые за десять лет Константинос бегал вверх-вниз по лестницам, вытаскивал рулоны материи и швырял на пол. Там их подбирал Леонидас и вытаскивал из здания, а Тасос укладывал на тележку. Вскоре первая тележка была загружена, и Тасос с Леонидасом вместе покатали ее по улице. Через пять минут сложили рулоны у дверей ателье.

– Присмотрите за ними, хорошо? – попросил Леонидас портного. – Мы сейчас вернемся.

Объяснений тут не требовалось. Десятки других коммерсантов и торговцев стаскивали свои товары на эту сторону улицы. У всех была одна и та же мысль: сюда огонь не доберется.

Улицы наполнились криками и удушающим запахом дыма, а в этот день и без того дышать было нечем.

К тому времени, как Леонидас с Тасосом вернулись к торговому залу, в проходе уже лежало около сотни рулонов, предназначенных для вывоза.

– Берите сначала фиолетовый шелк, потом красный бархат. Шерсть пойдет в последнюю очередь, а весь крепдешин вывозите следующим же рейсом – все цвета подряд – да постарайтесь, чтобы кремовый не слишком пачкался...

Стоило Константиносу взяться разбирать ткани, как страсть к ним охватила его с новой силой. Распоряжения, как их спасать и как беречь, так и сыпались одно за другим, непрерывно, как разматывающийся из рулона шелк.

За последний час, с той минуты, как он сообщил брату о рождении сына, Константинос ни разу не подумал ни о новорожденном, ни о жене, ни о том, в безопасности ли они. В конце концов, они находились по ту же сторону улицы, что и его бесценные ткани, а значит, им ничто не угрожало.

Тасос с Леонидасом вернулись за четвертой партией. Перед тем как начать готовить к отправке пятую, оба сняли рубашки и теперь утирали пот со лба.

– Постарайтесь светлые не пачкать, ладно?

На светлых тканях оставались пятна от пота. Это распоряжение наконец вывело Леонидаса из себя.

– Ну, знаешь, Константинос, из-за какого-то маленького пятнышка...

– Если мы хотим сохранить ткань для свадебных платьев, так нужно, чтобы она после этого годилась в дело, а эта стоит несколько тысяч драхм за метр!

– Бога ради, да не все ли равно сейчас? Я лично вообще не понимаю, почему ты не идешь домой, к жене и сыну!

– Потому что знаю, что они в безопасности. А этот торговый зал, возможно, нет. Я тут большую часть жизни работал по семь дней в неделю. Если ты, Леонидас, не способен понять всю ценность того, что видишь перед собой, то я это

понимаю. И отец понимал.

– Все эти ткани не будут стоить ничего, если мы их отсюда не вывезем, – перебил его старик. Он только что выбегал на улицу, где запах дыма усилился, толпы людей стали, кажется, еще больше, и, если только это был не обман воображения, даже как будто жарче сделалось. – Мне кажется, времени у нас мало.

Братья взглянули друг на друга, еще не остыв от злости.

Леонидас подхватил рулон темного бархата и вышел с ним на улицу. Тасос прав. Нужно отсюда убираться.

Он бросил рулон на тележку, бегом вернулся в зал и схватил Константиноса за руку.

– Идем, быстро.

Леонидас чувствовал, что брат готов вырваться.

Он потащил его к выходу, и даже тут Константинос не пожалел лишних секунд, чтобы запереть дверь на три замка. Тасос уже дошел, с трудом волоча тележку, до конца улицы и свернул направо, к улице Эгнатия. Воздух уже был так задымлен, что нечем стало дышать, слышался треск огня.

Через пару минут они догнали старика и увидели груды рулонов на тротуаре. Прохожие вежливо обходили препятствие, думая только о том, чтобы убраться подальше от опасности.

– Нужно затащить все внутрь, – торопил Константинос.

– Да кто же станет красть бархат? – сердито возразил Леонидас.

Портной уже помогал Тасосу затаскивать рулоны тканей в свое ателье, и вскоре на полу посреди комнаты образовался плотный штабель из почти двухсот рулонов. От вопроса брата Константинос упрямо отмахнулся. Теперь в его распоряжении сколько угодно людей, которые будут выполнять его указания без споров.

Тут вдруг пол под ним качнулся, и все ателье заходило ходуном. Только что оно казалось надежным укрытием, а теперь все – и портной, и братья Комнинос, и Тасос – выскочили обратно на улицу. Где-то в городе прогремел взрыв, а потом, среди нарастающего хаоса и паники, – еще один и еще.

Люди, убежавшие от огня, казалось, еще прибавили шагу. – Это иностранные военные, – сказал кто-то из проходящих. – Дома взрывать начали.

Это было не безумие, а единственная надежда задержать огонь. Поскольку воды в городе катастрофически не хватало, оставался лишь один выход – противопожарное заграждение, и солдаты союзной армии пришли на помощь городу.

– Надеюсь, это поможет, – сказал Константинос. – А нам, пожалуй, пора уходить. У меня жена несколько часов как родила.

– Поздравляю, кириос Комнинос! Какой незабываемый день! – сказал портной.

– Да уж, такой день не забудешь! – ответил Комнинос, чуть улыбнувшись. – Бог даст, завтра мы придем и заберем это все отсюда. – Наконец он повернулся к Тасосу. – Не мог-

ли бы вы сходить посмотреть, как дела в торговом зале, и сообщить мне?

Тасос кивнул.

– Думаю, нам пора идти, – напомнил Леонидас, озадаченный уверенностью брата в благополучном исходе. – Не хочешь зайти Ольгу успокоить?

– Я уверен, что с ней ничего не случится. У нее там Павлина есть. А новорожденные ведь первое время все равно спят?

– Не знаю, – ответил Леонидас. – Я с ними дела не имел. Но уверен, что все уже знают о пожаре.

Вот уже целый час или около того Леонидас все сильнее тревожился за Ольгу. Он с изумлением наблюдал за братом, которого не волновало ничего, кроме бизнеса. Как так можно – совсем не думать о жене и новорожденном сыне? Если бы Леонидас женился на такой женщине, как Ольга, она была бы центром его жизни.

Они спустились к морю и двинулись вдоль берега. Здесь все было как всегда: роскошные виллы на набережной, корабли в гавани, молча глядящие друг на друга.

Резкий запах висел в воздухе, но копоти теперь, когда солнце село, было уже не видно на фоне ночного неба. Удивительно, но в отеле как ни в чем не бывало накрывали ужин для постояльцев, а за столиками кафе люди потягивали напитки. Салоники словно раскололись на два разных мира. На южной стороне от улицы Эгнатия о пожаре знали, одна-

ко были уверены в собственной безопасности. Помочь они ничем не могли и считали своим долгом сохранять спокойствие.

А в это время Тасос направлялся обратно на север. Почувствовав сильный запах жареной баранины, он догадался, что мясной рынок, должно быть, тоже горит, а увидев обезумевших от страха овец, бегающих по улицам, уверился в правильности своей догадки.

Видеть бегающих без присмотра животных уже довольно странно, но тут он в придачу ко всему увидел, что к нему летит какая-то гигантская птица. Она упала на мостовую в каких-то нескольких сантиметрах от Тасоса, и только тут он понял, что это не птица, а стул. Три ножки из четырех отломились при ударе. Вся улица была завалена брошенными вещами, и до сих пор, готовясь бежать, люди выбрасывали из окон все подряд: швейные машинки, столы, шкафчики... Они уже поняли, что никогда не вернутся в свои дома, и отчаяние овладело ими.

Со слепой покорностью человека, уже полвека служащего одной и той же семье, Тасос намеревался во что бы то ни стало выполнить поручение хозяина. Когда встречная толпа преграждала ему путь, он останавливался и ждал, прижавшись к какой-нибудь двери, и в конце концов добрался до конца улицы, где находился торговый зал. Он увидел языки пламени в окне второго этажа, однако фасад здания был

еще нетронут.

«Ничего, я быстро, – подумал он, – только забегу, книгу заказов возьму».

В зале огонь, словно голодное чудовище, жадно пожирал рулоны тюля и тафты, прежде чем не спеша, с удовольствием приступить к главному блюду – шерсти и плотному льняному полотну. Рулоны вспыхивали, как спички в коробке, и воспламенялись друг от друга.

Зеваки видели, как все окна вдруг вылетели под напором горячего воздуха. Если бы в этом здании были сложены вместо тканей бруски гелигнита, и тогда взрыв, пожалуй, не вышел бы сильнее. Осколки стекла разлетелись в воздухе и осыпались смертоносным дождем. И здание, и все вокруг него было полностью уничтожено.

В ту самую минуту, когда Тасоса поглотило пекло, братья уже подходили к улице Ники.

Им оставалось пройти мимо нескольких соседних вилл, когда Константинос бросил взгляд налево, в темную боковую улочку, и увидел в конце ее зарево. К своему ужасу, он понял: свершилось то, что все считали невозможным. Огонь пересек улицу Эгнатия. Это меняло все.

Ветер изменил направление и стремительно нес огонь на юг, к той большей части города, где были сосредоточены почти все коммерческие здания, а также самые роскошные дома Салоников. Остановить его не могло ничто. Угро-

за нависла не только над домом Константиноса, но страшнее для него было то, что его склад, крупнейший склад тканей во всей Греции, тоже оказался на пути огня.

Хотя уже было ясно, что пожар оборачивается ужасающим бедствием для города, он все еще надеялся, что катастрофа минует лично его, Константиноса Комниноса. Пусть дешевые деревянные дома во всем остальном городе сгорят дотла, но массивный склад из стали и кирпича должен выстоять.

Константинос схватил брата за руку. Нужно было бежать домой, и поскорее. Когда они прибежали, Ольга сидела в прихожей, бледная, с потемневшими глазами, и прижимала к груди младенца. Рядом стояла Павлина, держа в каждой руке по узлу. Обе женщины были в слезах, однако при виде Константиноса и Леонидаса на их лицах отразилось облегчение.

– Нужно уходить, сейчас же! – резко сказал Константинос и без промедления вывел их на улицу.

Они шли по набережной так быстро, как только могли, и только для младенца не существовало вокруг ничего, кроме тепла материнских рук и сильно бьющегося материнского сердца. Море, что плескалось всего в нескольких дюймах от них, немного утешало.

Греческая армия пыталась кое-где с помощью немногих имеющихся насосов потушить пожар, но это было безнадежно – все равно что поливать из ведра горящий лес. Теперь

главной задачей было благополучно эвакуировать жителей.

Люди со всех концов города собрались в одном месте, чуть восточнее Белой башни, а оттуда их всевозможным транспортом вывозили подальше от огня, за пределы города. Кто-то спасался на лодках. С направлением никто не пытался определиться, главное – бежать. Вся приморская часть города уже была охвачена огнем, и рушащиеся здания представляли собой еще одну опасность: металлические балюстрады стали плавиться и стены с грохотом обваливались прямо на улицы. Во всей этой Вавилонской башне всевозможных наречий те, кого спасали, быстро находили общий язык со спасателями.

Оранжевое зарево залило небо, словно за пару часов солнце успело закатиться и подняться снова. Весь город был ярко освещен.

Леонидас помог Ольге с ребенком и Павлине сесть в армейскую машину. Ольга явно была очень слаба, но Леонидас заверил Константиноса, что она в надежных руках и что о ней позаботятся. Торговец сунул в руку офицеру несколько банкнот с обещанием вскоре дать больше, если все будет хорошо, и велел водителю везти их в Перею, где жил один из его главных клиентов.

Хотя братья и не питали друг к другу особенной любви, Леонидас чувствовал, что его долг – остаться с Константиносом. Они отошли еще немного на восток, а затем просидели всю ночь и большую часть следующего дня на безопасном

расстоянии, у моря, глядя, как гибнет в огне любимый город.

В этот день многие поверили, что тут не обошлось без чуда.

Огонь не разбирает религий. Перед ним устояло несколько минаретов, словно стволы деревьев в сгоревшем лесу, но синагоги были разрушены почти все. Десятки церквей тоже погибли, однако, дойдя до античной базилики Святой Софии, огонь вдруг таинственным образом остановился. Кто-то счел это ответом на свои молитвы.

По Божьей воле или сам по себе, но ветер, порывами перебрасывавший огонь из одной части города в другую, стих. Без него пожар распространяться не мог. Какое-то время город еще тлел, но пламя уже погасло.

В понедельник с утра Константиносу не терпелось вернуться в город. Оттуда, где они остановились, невозможно было оценить масштаб разрушений, и он был по-прежнему уверен, что его склад в порту должен был уцелеть.

– Нужно выяснить, насколько он пострадал, – сказал Константинос.

Со все нарастающим трепетом братья молча шли к разрушенному городу. Чем ближе к центру, тем чудовищнее выглядели почерневшие силуэты выгоревших зданий. Самый воздух, казалось, был исполнен горя. Город застыл в скорби, и его обгорелые останки словно надели вдовий траур.

Какой-то человек в лохмотьях стоял с Библией в руках и страстно проповедовал перед воображаемой паствой.

Он читал из Откровения Иоанна Богослова:

– Горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом, ибо в один час погибло такое богатство! И все кормчие, и все плывущие на кораблях, и все корабельщики, и все торгующие на море встали вдали и, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море...

– Похоже... – сказал Леонидас.

– Не будь таким суеверным, – сердито отозвался старший брат. – Какой-то идиот устроил пожар. Вот и все.

У самого берега они заметили полузатонувшие остовы сгоревших рыбацких лодок. Почти невероятно, но до них долетели искры от горящих прибрежных домов.

Многие вышли в этот день в такой же молчаливый путь – осмотреть разрушения, и зрелище, открывавшееся им, было страшнее, чем кто-либо из них мог себе вообразить. Отели, рестораны, магазины, театры, банки, мечети, церкви, синагоги, школы, библиотеки – все погибло, и жилые дома тоже. Тысячи и тысячи их были разрушены.

Тишина нависла над городом. Братья видели, как многие разбирают обгорелые развалины своих домов, не веря, что от их жизни ничего не осталось, кроме тлеющей золы,

что была когда-то, вероятно, мебелью, одеждой, иконами и книгами. Теперь ничего уже нельзя было различить.

Неподалеку от дома Комниносов братьям повстречались две женщины, шедшие рука об руку. Вид у них был такой неуместно элегантный и безмятежный, головы прикрыты зонтиками от летящей золы – ни дать ни взять леди, вышедшие на послеобеденную прогулку, однако, когда они подошли ближе, братья заметили, что обе они плачут, не стыдясь слез.

Дойдя до своего родного дома, они до конца поняли горе этих женщин. Несколько минут братья молча стояли и смотрели, не в силах поверить, что вот это огромное пространство тлеющей земли было когда-то великолепным домом, который их отец строил с такой гордостью.

Воспоминания о детской спальне с видом на море с необычайной силой нахлынули на Леонидаса, и он вспомнил, как просыпался каждое утро и глядел на пляшущие солнечные зайчики на потолке – отражение волн. Он уехал отсюда много лет назад, но картины прошлого ярко вспыхивали в памяти – одна за другой, стремительно, не по порядку, словно во сне. Глаза у него давно щипало от едкого дыма, висевшего в воздухе, а теперь из них покатались слезы.

Константинос сразу вспомнил о письменном столе из своего кабинета, о своих личных бумагах, о бесценной коллекции часов, о картинах, о великолепных портьерах, так элегантно свисавших от потолка до пола. Все погибло, ничего

нельзя восстановить. Гнев вспыхнул в нем, как пламя.

– Идем, Леонидас, – резко сказал он и взял брата за руку. – Тут уже ничего не поделаешь. Нужно взглянуть на торговый зал, а потом на склад.

– И там будет то же самое, – холодно отозвался Леонидас. – Ты непременно хочешь это видеть?

– Торговый зал мог уцелеть в огне, – оптимистично предположил Константинос. – Пока там не побываем, не узнаем.

Они вместе деловым шагом зашагали по разрушенным улицам. Константинос упрямо не хотел терять надежду, но когда они дошли до места, то убедились, что Леонидас был прав. Торгового зала больше не было. Ничего не осталось от радуги, которой Константинос так гордился: ни красного, ни голубого, ни зеленого, ни желтого, – одни лишь оттенки серого. Внутрь входить не рискнули. Металлические балки угрожающе нависали под потолком. Кто знает, удержат ли их обгорелые остатки кирпичей?

– Конструкция склада гораздо более современна, – сказал Константинос. – А большая часть запасов хранится там, так что не будем здесь зря время терять.

Константинос Комнинос отвернулся. Смотреть на эти руины было невыносимо, и ему не хотелось, чтобы брат догадался, как тяжела для него эта потеря.

Леонидас все еще не мог оторвать глаз от этого зрелища, когда заметил, что брат уже дошел до конца улицы. Он поспешил следом.

Они пошли кружным путем, так как напрямую кое-где было не пройти. Одна опустевшая улица за другой оставались позади. Изредка то тут, то там попадались уцелевшие части зданий, словно они не пришились по вкусу огню. На одном из больших универсальных магазинов сохранилась вывеска «*Vêtements, Chaussures, Bonneterie*»². Она казалась такой яркой и веселой, но такой неуместной. Не было больше ни одежды, ни обуви, ни чулок. На той же улице, на столбе, все еще висел покореженный металлический указатель «Кинематограф Патэ». Эти слова уже казались странными, словно из другого мира.

Наконец перед ними открылось зрелище, при виде которого сжалось бы и каменное сердце: сгоревшая церковь Святого Димитрия, покровителя города. Пламя поглотило ее. Оба брата помнили, как здесь отпевали их родителей, и здесь же венчались Константинос с Ольгой. Теперь от нее осталось лишь пустое место – двор, пол, заваленный кирпичами, расписная апсида, открытая всем ветрам и свету впервые за сотни лет своей истории. Она казалась постыдно обнаженной. Братья увидели, что среди развалин одиноко бродит священник. Он плакал. Еще один сумасшедший выкрикивал слова, сказанные апостолом Павлом об этом самом городе. Никогда еще они не вызывали в душе такого отклика.

– ...В явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не по-

---

² Одежда, обувь, чулки (*фр.*).

знавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа!.. – кричал он.

Помимо церквей, Константинос с Леонидасом увидели руины синагог и мечетей, и, казалось, люди все же находили какое-то утешение на месте своих святынь. Там, где стены устояли, люди собирались группами в их тени. Между колонн натягивали веревки для белья, в проходах синагог уже устроили кухни, а в обгорелых стенах мечетей аккуратно развешенные одеяла образовывали что-то вроде разгороженных спален.

При виде двух банков – Банка Салоников и Банка Афин, почти не пострадавших, Константинос ненадолго преисполнился оптимизма, и такое же чувство вызвал у него огромный универсальный магазин с мраморным фасадом, однако эти здания были счастливыми исключениями.

Отель «Сплендид», где люди ужинали вечером восемнадцатого августа в полной уверенности, что сюда огонь ни за что не дойдет, сгорел до основания. Излюбленное местечко Леонидаса, кафе у моря на краю площади Элефтерия, постигла та же участь. На площади, бывшей когда-то центром светской жизни города, царила тишина.

Наконец братья дошли до того места, чуть севернее порта, где был расположен главный склад Комниноса.

Оба стояли и смотрели на то, что осталось от огромного склада. Он сгорел до основания.

– Мой прекрасный склад, – прошептал Константинос че-

рез несколько минут. — Мой прекрасный, прекрасный склад.

Младший брат взглянул на него и увидел, что он обливается слезами.

Словно погибшую любовь оплакивает, подумал Леонидас, пораженный тем, что брат не скрывает своих чувств. Когда умерла их мать, он и то столько слез не пролил.

Пока они стояли и смотрели на картину разрушения, над ними пролетел немецкий аэроплан. Теперь пилот доложит командованию, что Салоники весьма успешно справились с собственным уничтожением. Сами немцы не сделали бы этого лучше.

Тем временем местная газета на французском языке готовила первый выпуск со дня пожара. Хлесткий заголовок подводил итог:

LA MORT D'UNE VILLE

ГИБЕЛЬ ГОРОДА

Глава 4

Пять дней после этого Ольга ничего не слышала о Константиносе, но была так погружена в заботы о ребенке, что о муже почти и не думала. Дни и ночи стали неотличимы друг от друга – беспокойные, бессонные. Иногда ей удавалось укачать маленького Димитрия, и он засыпал, но обычно не дольше чем на полчаса.

Павлина жила с Ольгой в одной комнате в огромном доме в Перее, принадлежавшем старому другу Константиноса, богатому экспортеру тканей, который отправлял за границу не одну партию его товара. Из окна было видно, что над городом, в десяти километрах от них, все еще висит завеса дыма.

Гибель Салоников казалась Ольге чем-то далеким, но во вторник она получила вести от Константиноса, что практически все, чем он владел, уничтожено.

– Мне очень жаль, – со слезами на глазах проговорила хозяйка дома. – Это так ужасно для вас... все потерять!

Ольга была благодарна ей за сочувствие, но не могла найти в себе должного эмоционального отклика. Да, потерять все было бы ужасно, но ведь с ней этого не произошло. «Все» лежало у нее на руках. Ребенок был сейчас центром ее мира, и все остальное было не важно.

На следующий день Константинос, остановившийся в оте-

ле в уцелевшей части города, пришел навестить жену и ребенка. Он уже занялся восстановлением того, что осталось от склада. Товар сгорел весь, но основания стен остались целы, и Константинос начал отстраивать склад заново. Он разослал распоряжения, собираясь пополнить запасы товара, а как только придут новые партии тканей, их нужно будет где-то хранить. Уже через несколько дней, которые ушли на составление иска о выплате страховки, Константинос отставил эмоции в сторону.

– Я выстрою свой бизнес заново, еще лучше и прочнее, чем был, – заверил он Ольгу.

Работы по восстановлению дома пришлось отложить на многие месяцы. Это не было для Константиноса главной задачей. Однако Ольга понимала, что гостеприимством, оказанным ей в Перее, нельзя пользоваться бесконечно. Первоначально речь шла всего о нескольких днях, а они живут здесь уже две недели.

Прибрежные районы города и почти весь северо-запад были разрушены, но верхняя часть, где прошло Ольгино детство, не пострадала.

Маленький домик на улице Ирины, номер три, доставшийся им с сестрой после смерти родителей, сейчас пустовал, и Ольга подумала, что это было бы идеальное место на то время, пока идет ремонт. Сестра ее два года назад уехала в Волос, к сыну.

В следующий раз, когда Константинос пришел их наве-

стить, Ольга неуверенно предложила переехать туда, пока их виллу не отстроят заново.

— Домик, конечно, маленький, но мы поместимся... — Ольгин голос оборвался. Она уже почувствовала, что Константиносу не по душе эта затея.

Весь этот домик мог бы поместиться в одну гостиную их прежнего особняка. Человеку, всю жизнь прожившему в богатом прибрежном районе, даже думать о квартале, где придется толкаться локтями — в буквальном смысле — с мусульманской и еврейской беднотой, было довольно противно. Удивительно, размышлял он, как только Ольгина строгая красота, ее белая кожа могли расцвести в нищете и грязи городской окраины.

Однако Ольга была настроена решительно.

— Пожалуйста, Константинос... Павлина может спать в мансарде. Она не против, — умоляла она. — И это же временно.

Похоже было, что лучшего решения все равно не найти. Все дома, которые можно было бы снять в аренду, сгорели до основания. С некоторой неохотой и многочисленными оговорками Константинос дал свое согласие.

На неделе Ольга с ребенком вернулись в город. Павлина отправилась туда несколькими днями раньше, чтобы убрать дом, а Константинос должен был приехать к вечеру.

Возница вез ее в город, объезжая сильнее всего пострадавшие улицы, и все же масштаб разрушений был очевиден. Че-

рез месяц после пожара, уничтожившего почти весь город, запах пепелища, который невозможно было спутать ни с каким другим, по-прежнему висел в воздухе.

Ольга успела мельком увидеть призрачные остовы величественных городских зданий, их пустые окна, слепо глядящие на море, а потом и останки виллы Комниносов.

Они с ребенком прибыли на улицу Ирины около полудня. Была уже середина сентября, но солнце палило, как в августе.

Выйдя из экипажа в конце узкой улочки, Ольга увидела, что Павлина разговаривает с какой-то женщиной, и узнала ее. Это была Роза Морено, ее соседка.

Роза была вне себя от радости, увидев Ольгу, и тут же наклонилась поближе, чтобы рассмотреть младенца.

– Милая моя, я так счастлива тебя видеть – и поздравляю! – сказала она. – И выбрал же твой малыш время, когда родиться! Но зато какая радость, что ты опять будешь жить здесь.

– Спасибо, Роза. Я тоже рада.

Почти механически, в знак доверия и приязни, она протянула дитя Розе, и та прижала его к себе, с наслаждением вдыхая сладкий младенческий запах. У нее самой двое сыновей были еще маленькие, но ведь особый запах новорожденного держится недолго.

Они не виделись больше двух лет, но быстро обменялись любезностями и новостями о главных событиях в своей жизни.

ни.

– Улица наша мало изменилась, сама увидишь, – сказала Роза. – Нам повезло, что огонь сюда не дошел. Синагога наша сгорела, но, по правде говоря, уж лучше синагога, чем дом. Ты только не говори никому, что я так сказала.

– А мастерская? – спросила Ольга, когда Роза отдала ей младенца.

– Сильно пострадала, но это дело поправимое!

Морено, еврейская семья, жившая в доме номер семь, владела одной из самых популярных швейных мастерских в городе и тоже покупала ткани у Константиноса Комниноса. Муж Розы, Саул, унаследовал мастерскую от своего отца и собирался в будущем передать ее своим сыновьям Элиасу и Исааку. Одному из них исполнился только год, а другому четыре, однако все уже было решено.

Через несколько часов после пожара Саул начал делать новые выкройки взамен сгоревших и сметал швы у нескольких костюмов. Многие люди остались в чем были, так что Саул предвидел ажиотажный спрос и был достаточно практичен, чтобы воспользоваться ситуацией. Один купец из Верии продал ему в кредит на полгода несколько рулонов недорогой шерсти, и он тут же приступил к работе, обошел нескольких клиентов, чтобы снять мерки.

– Думаю, мы тут устроимся как-нибудь, правда, кирия Ольга? – сказала Павлина, когда они переступили порог.

– Да, пожалуй, устроимся, – ответила Ольга. – Я здесь чув-

ствую себя как дома...

Те немногие пожитки, что остались у них, в основном одеяла, простыни, пеленки и другие детские вещи, внесли в дом. Кирия Морено принесла подходящий по размеру ящик для фруктов, который мог сойти вместо колыбели. Она выстлала его изнутри мягким, постелила вышитые простынки и одеяльце с именем Димитрия.

В доме номер пять, между Ольгой и Морено, жила мусульманская семья Экрем с тремя дочерьми. Госпожа Экрем как-то зашла после обеда с подарками для малыша и сладостями для Ольги. Она была очень добрая женщина, правда, объяснялась с соседями по большей части улыбками и жестами, потому что греческого почти не знала.

Ольга была рада вернуться в теплую, знакомую атмосферу дома, где она выросла, улицы, полной дорогих воспоминаний. Все, кого она знала с детства, по-прежнему жили в тех же домах и были рады снова ее увидеть. Они скоро простили ей то, что после замужества она была здесь такой редкой гостьей.

Тепло и близость радовали в эти дни Ольгу, но не Константиноса. Столь тесное соседство с другими людьми, то, что их слышно за стеной и даже с улицы, казалось ему невыносимым. В большей части домов теперь, после пожара, жило по несколько семей. За городом организовали лагерь беженцев для тех, кто остался совсем без крова, но когда у брата или кузена есть крыша над головой, естественно ожи-

дать, что он разделит с тобой свою удачу. Вот так и вышло, что в некоторых домах по улице Ирины, с ветхими полами, с подвалами, отведенными для скотины, ютилось до пятнадцати человек сразу, со всеми вытекающими последствиями вроде шума и беспорядка.

Константинос открыто выказывал недовольство, и хотя Ольга всегда исполняла свой, пожалуй, самый главный свадебный обет, а именно: никогда и ни в чем не перечить мужу, наступил момент, когда у нее все же вырвалось неосторожное слово.

– У меня здесь клаустрофобия начинается, – пожаловался Константинос после беспокойной ночи.

– Я понимаю, это не вилла у моря, но мне нравится.

– Ты выросла на этой улице, Ольга, – возразил муж. – Тебе это привычно!

– Да ведь нам еще гораздо легче, чем другим, – тихо сказала она.

Ольга слышала рассказы о лагерях беженцев, которые разбили за городом для десятков тысяч людей, оставшихся без крова после пожара. Хотя они были по большей части хорошо организованы добросердечными иностранцами, однако все необходимое выдавалось строго по норме, и с наступлением зимы их обитателям будет нелегко. Единственный выход, кроме этого, остававшийся семидесяти тысячам бездомных (если родственники не могли их принять), – бесплатный поезд до Ларисы или корабль до Волоса, где стро-

ились новые дома. Большинство оставшихся на улице были евреями, и тысячи из них вынуждены были уехать.

Но как ни велики были потери этих людей, Константинос считал, что он потерял больше. Относительные цифры его не интересовали. Он был одним из самых богатых людей в городе, значит и его личное благосостояние пошатнулось сильнее, чем у других. Страховая компания прислала письмо с уведомлением, что при таком количестве прошений о выплатах они не в состоянии предложить ему полную компенсацию, как он ожидал.

– Мне бы не хотелось выслушивать поучения от собственной жены, – отрезал Комнинос. – Ты ведь ничего дурного не видишь в такой жизни, как на этой улице, правда?

– А ты видишь одни недостатки. Так почему бы тебе тогда не найти какое-нибудь другое место?

Ольга не видела, как рука взлетела к ее щеке. Только почувствовала один-единственный хлесткий удар.

Павлина вернулась с прогулки с малышом и обомлела, увидев, что Ольга рыдает на кровати. Когда хозяйка наконец подняла голову от подушки, чтобы объяснить, что случилось, Павлина с изумлением и ужасом увидела на ее щеке красное пятно.

– Какой позор, – сказала Павлина. – Его отец никогда бы такого не сделал. И брат тоже.

– И я же его не поучала, Павлина. Просто высказала свое мнение.

– А он что, ушел?

– Да, и сказал, что больше здесь жить не будет.

Малыша пора было кормить, и разговор прервался, но Ольга понимала: их отношения с мужем уже никогда не будут прежними.

Оправившись от первоначального потрясения после пощечины, Ольга призналась себе и Павлине, что отсутствие в их маленьком доме грозного мужа стало громадным облегчением. Он прислал записку, что вернулся в тот же отель, где жил после пожара. Оттуда было ближе к его стройкам, и это был достаточно благовидный предлог для тех обитателей улицы Ирины, которые могли любопытствовать, почему ушел кириос Комнинос.

Все шло спокойно, пока через несколько дней Димитрий не стал плакать гораздо больше обычного, и даже Павлина, гордившаяся своим умением обращаться с младенцами, ничего не могла поделать. Для человека, появившегося на свет меньше месяца назад, этот малыш отличался на редкость громким и пронзительным голосом.

Ольга с Павлиной по очереди носили его на руках, часами укачивали, но ничто не помогало, он все плакал и плакал и не успокаивался, сколько ни прикладывай его к груди.

Однажды утром неожиданно явился Константинос.

– Ребенка на улице слышно! – рявкнул он, отчасти от злости, отчасти чтобы перекрыть рев младенца. – Он болен, должно быть! Почему за доктором не послали?

– Маленькие часто так кричат, горло пробуют, – стала оправдываться Павлина, заметив, что Ольга слегка вздрогнула от гневного окрика мужа.

Константинос повернулся к ней.

– Скажу доктору Пападакису, чтобы зашел после обеда, – резко сказал он. – Я знаю, Павлина, у тебя имеется некоторый опыт, и все же, думаю, стоит узнать мнение специалиста.

После этого, не считая редких визитов, Константинос устранился. Денег давал достаточно, чтобы прокормиться, но обедать с ними не оставался. Ему было не по себе на этой улице, где скотины было больше, чем людей, и где он сам чувствовал себя как свинья в тесном загоне.

Вскоре на улицу Ирины наведалься доктор Пападакис. До сих пор он в этой части города никогда не бывал и, как и Константинос Комнинос, даже не пытался скрыть отвращение. Во время своего краткого визита он сохранял на лице такое выражение, словно забрел сюда случайно, по пути.

Доктор осмотрел мать и младенца и немедленно объявил, что беда в материнском молоке. Его не хватало. Димитрию придется найти кормилицу.

Ольга выслушала этот диагноз не без огорчения. Ее так радовало ощущение близости, когда она кормила ребенка. Но она сделает все так, как лучше для него.

Прелесть жизни на такой многолюдной улице в том, что всегда найдется кому прийти на помощь – подметку ли

прибить, крысу ли поймать, записку ли отнести на другой конец города. Решение задачи, кто же будет кормить Димитрия, оказалось прямо под рукой.

– Я Элиаса уже почти не кормлю, – сказала Роза, – а молока у меня сколько угодно. Хочешь, я возьмусь?

Это казалось самым естественным выходом.

И не прошло и дня, как Димитрий сосал уже другую грудь. Живот у него опять был полон, и он снова стал расти и крепнуть под постоянным улыбчивым, обожающим материнским взглядом. Мужу Ольга не стала говорить, кого взяла в кормилицы, – знала, что он не одобрит.

Даже на этой улице, которая богачу показалась бы просто нищей, существовало крепко сплоченное сообщество. Жизнь бок о бок сделала людей не менее, а даже более терпимыми друг к другу.

Все дети играли вместе – христианские, мусульманские, еврейские, и когда они затевали салки возле местной церкви, или среди развалин синагоги, или у одного из множества минаретов, которые все еще возвышались над городом, никто и не вспоминал, что это святое место. Тем более не важно было им, кто к какой религии принадлежит.

Они понимали, что чем-то отличаются друг от друга. «А почему ты, Исаак, говоришь не так, как мы? – поддразнивал, бывало, кто-нибудь из мальчиков-христиан. – И почему по субботам играть не выходишь?» Маленьких мусульман тоже дразнили. «А я слышал, как мой отец говорил, что твой

дядя вчера напился!» – «Ну и что? Мама говорит, если он не сам ракию покупал, так это ничего не значит!» Вот так и жили люди на улице Ирины: мирясь с особенностями друг друга и привычно закрывая на что-то глаза.

В ноябре в городе состоялся судебный процесс, за которым все следили с большим интересом. Супружескую пару, жителей той части города, где предположительно возник пожар, обвинили в поджоге. Константинос, который теперь заходил на улицу Ирины проводить жену реже чем раз в неделю, появился там как раз в тот день, когда огласили вердикт, и яростно настаивал на том, что поджог был преднамеренным.

Подсудимых оправдали, но по складу своего характера Константинос был неспособен поверить, чтобы такая катастрофа могла быть случайностью, – нужно же было на кого-то излить свой гнев после таких потерь.

– Выходит, нас хотят убедить, что гибель нашего города – просто несчастный случай?! – воскликнул он и ударил кулаком по столу.

Вопрос был риторическим. Ольга в эти дни не решалась ни в чем возражать мужу, хотя про себя считала: уже то, что эта пара потеряла во время пожара все свое имущество, говорит в пользу их невиновности.

В это утро Комнинос едва замечал жену и ребенка. Сидел, уткнувшись в газету. Ольга стояла у плиты, помешивая кофе

для мужа, и думала о том, что его гнев доходит до кипения ровно за то же время, за какое поднимается темная жидкость в маленькой турке. Она налила кофе в чашечку, поставила перед ним на стол и отошла.

Оправдание несчастных беженцев было не единственным важным событием этого дня.

Вот уже месяц выходили ежедневные сводки новостей – свидетельство острых противоречий внутри Греции. Как раз перед этим опустошительным пожаром король Константин покинул страну, и его сменил на престоле сын Александр, который, вопреки отцу, поддержал Венизелоса. Очистив армию от роялистов, Венизелос, снова ставший премьер-министром, втянул не слишком прочно объединившуюся Грецию в войну на стороне Антанты. В результате всего этого Леонидас Комнинос отправился сражаться на Македонский фронт, на север страны.

Поставки сукна для армейских мундиров оказались прибыльным бизнесом для Константиноса Комниноса. Каждый день войны приносил ему огромные барыши. Если удастся снова поставить дело на широкую ногу, думал он, миллионы драхм будут у него в кармане. Пусть инфраструктура города разрушена, но он сумеет обернуть ситуацию себе на пользу.

Ольга наблюдала за мужем – за тем, как он быстро листает страницы газеты, почти не обращая внимания на другие новости дня. Он не собирался долго задерживаться над военными сводками, пусть даже его родной брат ведет в атаку

солдат где-то на передовой. Единственное, что занимало его сейчас, – поскорее бы вернуться на склад, где в этот день возводили леса.

Комнинос одним глотком выпил кофе, встал, чмокнул Ольгу в щеку, потрепал по головке малыша. Димитрий лежал на груди матери и крепко спал, ничего не зная о мировых бедствиях. Роза Морено только что ушла, теперь малыш несколько часов не шевельнется. Ничто не нарушало его покой и безмятежность.

– Как тут, все хорошо? Как ребенок спит?

Вопросы вылетали один за другим, и ни один из них не требовал ответа. Константинос торопился, и у Ольги не было ни малейшего желания его удерживать.

– Склад будет готов через несколько месяцев, – сказал он. – Потом нужно будет заняться торговым залом. А там посмотрим, как быть с домом.

И он ушел. Ольга стояла в дверях и смотрела, как щеголеватая фигура мужа быстро удаляется по мощеной улице. Темный, хорошо скроенный костюм и фетровая шляпа резко выделялись среди одежд здешних обитателей. А сильнее всего бросалась в глаза его стремительная походка, почти срывающаяся на бег. Ему не терпелось вырваться отсюда.

Месяц за месяцем счастливо текли на улице Ирины. Жара спала, и теперь все чаще сидели дома, а не на улице. Роза Морено приходила пять раз в день, а после вечернего корм-

ления засиживалась еще на час или дольше и приводила с собой ребятишек.

Бывало, что и Ольга с Павлиной заходили в соседний дом к Морено, а к ним присоединялась кирия Экрем с дочерьми. При свете мерцающей свечки начинались рассказы. К кофе всегда подавался щедрый кусок топишти – медового пирога с грецкими орехами, который Роза пекла по традиционному еврейскому рецепту. Держа на коленях Элиаса, она вспоминала истории о том, как ее предки попали в Грецию более четырех веков назад, и рассказывала так, будто они только сегодня сошли на берег.

– Нас было двадцать тысяч – тех, кого вышвырнули из Испании, – говорила она со сдержанным негодованием, – зато когда мы прибыли в Салоники, султан только обрадовался. «Вот глупцы эти католические монархи – изгоняют евреев. Турки стали богаче оттого, что они здесь, а испанцы – беднее!» – воскликнул он. – Иногда она вставляла фразы на ладино³ и тут же переводила. – И жили мы тут припеваючи, даже составляли большинство здешнего населения! Тут стояли десятки синагог, и Салоники стали называть *la Madre de Israel*⁴.

Да, поговорить она любила.

– Мы воссоздали золотой век тут, в Салониках, как когда-то в Испании, и встретили здесь все привычные религии

---

³ Ладино – язык сефардских евреев.

⁴ Мать Израиля (исп.).

вперемешку: ислам, христианство, иудаизм. И жили счастливо все вместе, каждый в своей вере. Даже климат тут оказался такой же, и фрукты такие же – гранаты! – восклицала она улыбаясь.

Мать Саула, что жила вместе с сыном и невесткой, не знала ни слова по-гречески, говорила только на ладино. Она все время сидела в углу, одетая в традиционную одежду сефардских евреев – белую блузку, расшитую жемчугом, длинную юбку, фартук, плотный атласный жакет, отделанный мехом, и шаль, тоже расшитую жемчугом. Иногда она рассказывала сказки, а невестка переводила их на греческий.

Девочек Экрем завораживали ее сказки о далеком городе под названием Гранада, где было когда-то столько мечетей, и замков с башнями, и надписей арабской вязью на стенах. Они жевали кусочки сладкого пирога с орехами и воображали себе это сказочное место – невероятно красивое и экзотическое, куда они, может быть, когда-нибудь поедут вместе. Госпожа Экрем часто читала что-нибудь из своей многотомной «Тысячи и одной ночи», и в сонном полусвете мать рисовалась девочкам Шахерезадой, рассказывающей свои чудесные сказки о судьбе и предначертанном ей жребии. Она читала по-турецки, а старшая дочь переводила каждую фразу на греческий.

Когда они сидели все вместе в маленькой комнатке у Морено, в воздухе ощущалась причудливая смесь разнообразных ароматов трав и специй, которыми приправляли еду,

церковного ладана, свечного воска, сладких булочек, дурманящего запаха кальяна, а еще грязных детских пеленок и срыгнутого молока. Когда домой приходил Саул Морено, от него кисло пахло потом. Он работал без устали, чтобы успеть выполнить все новые и новые заказы на армейские мундиры.

Димитрий привык к тому, что его передают с рук на руки и качают то на одном колене, то на другом, привык слышать самые разные выговоры и видеть над собой разные лица. Он вдыхал десятки разных запахов и любил, когда его тискали разные люди из разных семейств. В первые несколько месяцев своей жизни он видел вокруг одни улыбки. И все время улыбался в ответ.

– Митси, Митси, Митси мой! Митси, Митси, Митси мой, – распевали дети, играя с ним в прятки.

Все эти месяцы Константинос по-прежнему вел реконструкцию своего большого склада у дока, расширил его, прихватив территорию, которую раньше занимало соседнее здание, сгоревшее дотла. Равнодушные формальные визиты на улицу Ирины тоже продолжались, но он никак не мог скрыть своего отвращения к самим ее обитателям и к тому, в каком количестве они ютились в домишках размером не больше его гардероба.

Леонидас же, приехав в родной город на побывку, не обнаружил в себе такой неприязни к улице Ирины и, кажется, даже предпочитал ее городскому центру, где располагалась

его собственная убогая квартирка. Павлина всегда встречала его горячей едой, Ольга – улыбкой, а Димитрий – неприкрытым восторгом. Мальчик обожал дядю, который мог целыми часами петь ему песенки или показывать фокусы, доставая неведомо откуда ириски и монетки. Стоило дяде Леонидасу появиться, тут же раздавались радостные крики и смех.

План полной реконструкции города был составлен французским архитектором Эрнестом Эбраром. Предполагалось, что на месте узких улиц проложат бульвары и построят роскошные здания. Это гораздо больше соответствовало тем перспективам, к которым стремились коммерсанты вроде Константиноса Комниноса, и он тоже радовался преобразению города, однако местные мусульмане и евреи не разделяли его восторгов. Семья Морено с тревогой услышала, что извилистые улочки к югу от улицы Эгнатия, где жили в основном евреи, в прежнем виде восстанавливать не будут, и большую часть общины вытеснят на окраины. То же касалось тех районов города, где обитали мусульмане. Их тоже изгоняли из центра.

По счастливой случайности уцелевший во время пожара квартал, где находилась улица Ирины, не попал в зону перепланировки. Пускай там было тесно, но гармоничный уклад жизни полюбился ее обитателям, и никто из них не хотел перемен.

Константинос закончил перестройку склада, и еще года не прошло после пожара, как склад заработал вновь, прино-

ся ту же ежемесячную прибыль, что и раньше, – и даже более того. Теперь можно было приступить к строительству торгового зала.

В ноябре 1918 года война, в которую были втянуты народы со всех концов земного шара, закончилась. Греческие войска, сражавшиеся на Македонском фронте, помогли сломить сопротивление немцев и болгар, затем последовало полное поражение Германии. После того как был подписан мирный договор и победители начали кромсать поверженную Османскую империю, Элефтериос Венизелос надеялся, что за греками признают право на контрибуцию. Много лет он пестовал грандиозную мечту: вернуть огромные территории Малой Азии, захваченные турками, и восстановить Византийскую империю. В это время более миллиона греков жило в различных областях Малой Азии, многие из них – в Константинополе. Главной мечтой Венизелоса было отво-евать этот город, отнятый у Греции в 1453 году.

Согласно условиям договора Венизелос надеялся получить контроль над Константинополем и Смирной, городом на западном побережье полуострова. Для многих мусульман в Салониках это было беспокойное время. Союзники только что разгромили их братьев-мусульман в Турции, и они втайне желали победы Османской империи.

Однако еще до того, как мирный договор с Германией был подписан, амбиции Венизелоса бросили греческую армию в новое опасное предприятие. В мае 1919 года, пока стар-

ший брат подсчитывал барыши от проданной шерсти и сукна для военной формы, а маленький племянник играл в прятки с приятелями на улице Ирины, Леонидас Комнинос отправился в Малую Азию. При поддержке французских, британских и американских кораблей двадцатитысячное греческое войско оккупировало Смирну, считавшуюся одним из лучших портов в Эгейском море.

Предлогом для вторжения была охрана города от итальянцев, высадившихся у самых его южных границ, но, кроме того, Венизелос заявлял, что должен защитить сотни тысяч проживающих там греков от турок. Пять лет назад почти миллион армян-христиан выселили из их домов и погнали босиком в пустыню на верную смерть. Существовал риск, что греков, населявших эти земли из поколения в поколение, может постигнуть та же участь, и эта мысль укрепляла решимость Леонидаса Комниноса и его солдат.

Оккупация обошлась относительно малой кровью (турецкому командующему приказано было не сопротивляться), однако избежать зверств не удалось, и несколько сотен турок были убиты.

Летом того же года полк Леонидаса предпринял успешное наступление на востоке. Целью его был захват территорий, прилегающих к оккупированной Смирне. По мере того как турецкое национальное движение набирало силу, сопротивление становилось все более отчаянным, но, несмотря на это, греческие войска сумели захватить бóльшую часть за-

падной территории Малой Азии, методично разрушая по пути турецкие деревни и истребляя жителей.

Захват Смирны вызвал в Турции всплеск национализма, и многие турки мечтали о мщении. Они нанесли ответный удар, зверски убив тысячи греков, в том числе живших у Черного моря. Чудовищные зверства были на совести обеих сторон – деревни и города стирались с лица земли.

За все это время Леонидас лишь раз приезжал домой на побывку. Зашел на склад к брату, но большую часть недели провел, сидя в молчании в доме на улице Ирины. Ольга заметила, что он изменился. Казалось, за один год постарел на десять.

Только в одном Леонидас остался прежним. При всей своей усталости он всегда находил время и силы для маленького Димитрия. Однажды, придя в гости, принес ему хулахуп и часами забавлял племянника, снова и снова пытаясь научить его гонять обруч так, чтобы он не падал.

В начале 1921 года полк Леонидаса принял участие в новом наступлении. На этот раз целью была Анкара. Хотя греки и потерпели поражение в двух крупных битвах, им все же удалось захватить некоторые стратегические позиции в центральной части Малой Азии, и к лету казалось, что до окончательной победы не так далеко. Леонидас уже тогда считал ошибкой не воспользоваться плодами победы и не продолжить наступление, однако полку был отдан приказ стоять на месте, и выбора не было – пришлось подчиниться.

Как и опасался Леонидас, турки за это время организовали новую линию обороны по ту сторону реки Сакарья, в ста километрах от Анкары.

В конце концов греки двинулись к реке. При численном превосходстве можно было рассчитывать на легкую победу, однако после двадцатидневного кровопролитного сражения с неприятелем, укрепившимся на возвышенности, у греков подошли к концу боеприпасы, и им пришлось отступить, сдав позиции, отвоеванные двумя месяцами ранее.

Хотя это и не было окончательным поражением, боевой дух в войсках был подорван, и среди высших чинов многие, включая Леонидаса, выступали за отход на запад, к Смирне. Другие же не хотели отказываться от мечты о Константинополе, и в результате грекам пришлось остановиться и удерживать свои позиции. Такое патовое положение сохранялось почти целый год.

Тем временем турки были заняты подготовкой своих войск к решающему сражению. Они ни в коей мере не были заинтересованы в примирении с греками. Руководил кампанией человек, родившийся в Салониках, в каких-нибудь нескольких сотнях метров от Леонидаса. Сорокалетний, с голубыми, как лед, глазами, Кемаль Ататюрк возглавил националистическое движение в Малой Азии и, учредив свое правительство в Анкаре, поставил целью любой ценой разбить греков и вытеснить их обратно в Средиземноморье.

В конце августа 1922 года Ататюрк напал на греческие

укрепления, и за несколько дней половина солдат оккупационных войск была захвачена в плен или убита.

Побежденным некогда было рыть могилы в прокаленной солнцем земле, и поля были покрыты незахороненными телами. С многих сняли сапоги и оружие. Стаи иссиня-черных мух со зловещим жужжанием кружили над ними, ожидая, когда стервятники прилетят за своей добычей. Не было ни цветов, ни поминальных обрядов – греческие герои лежали неоплаканные и вскоре уже неузнаваемые.

Оставшиеся в живых бежали на запад, к Смирне, рассчитывая спастись там. Многие из них успевали совершить чудовищные зверства – насиловали, убивали, мародерствовали, пока не разоряли попавшееся на пути поселение до основания. В одной мусульманской деревне всех жителей – мужчин, женщин и детей – заперли в мечети и подожгли.

В первую неделю сентября тысячи греческих солдат, и в их числе Леонидас, пришли в Смирну, надеясь покинуть Турцию морем. По пятам за ними шла турецкая армия, охваченная жадной мести. Три года прошло с тех пор, как турки потеряли этот город, но они никогда не оставляли намерения его вернуть.

Глава 5

Леонидас лежал, привалившись к стене зернохранилища. Голова его свесилась на грудь, изодранный мундир покрывали пятна засохшей крови. Из носков сапог торчали грязные, посиневшие пальцы.

В нескольких сотнях ярдов от него на улице показались женщина с девочкой, чистые, свежие, в светлых летних платьях. Девочка шла вприпрыжку и без умолку болтала, с живым любопытством оглядываясь вокруг, – нежная, как сладкий сироп из розовых лепестков. Она понимала, что в городе что-то происходит, но не понимала, что именно.

К груди мать прижимала еще одно дитя, младенца в пеленках из такого же светлого батиста, расшитого розовыми маргаритками.

За последние несколько дней в их прекрасном городе произошли резкие перемены. Несмотря на то что творилось в остальной Турции, Смирна после нескольких беспокойных дней 1919 года, когда ее заняли греческие войска, жила относительно беззаботно, и ее обитатели странным образом не ощущали на себе потрясений, прокатившихся по всей Малой Азии. В последние теплые летние дни на улицах распродавали урожай инжира, абрикосов и гранатов, люди, одетые в самые разнообразные одежды – здесь можно было встретить все, от персидских тюрбанов до турецких фесок, – тор-

говались из-за цен на опиум, атлас и ладан на дюжине разных языков. В опере весь предыдущий месяц был ежевечерний аншлаги, кафе на открытом воздухе были переполнены, и струнные квартеты играли серенады для посетителей.

Еще на прошлой неделе по этим улицам плыл аромат жасмина и свежесыпеченного хлеба из соседней булочной. Теперь тут стоял тяжелый запах невымытых мужских тел. Несколько дней назад, после внезапного появления тысяч греческих солдат, в город начали стекаться и мирные беженцы. Они тоже спасались от турецкой армии и оказались в таком же отчаянном положении.

Население Смирны охватил страх, особенно когда поползли слухи, что турецкая конница уже на окраинах города.

– Идем же, любовь моя, поторопись чуть-чуть, – проговорила молодая мать со скрытой тревогой.

Проходя мимо, она бросила косой взгляд на греческих солдат, лежащих в ряд, в одинаковых позах, склонив головы на одну сторону, раскинув ноги. Казалось, их скосили выстрелы расстрельной команды. Это полубеспамятство одолело их после тысячекилометрового перехода без еды и питья, не считая награбленного по дороге в городах и деревнях. Они уже не могли пошевелиться от изнеможения.

И тут женщина заметила, что взгляды солдат направлены на них.

– Идем домой. Скорее! – сказала она и чуть ли не бегом кинулась прочь, таща ребенка за руку.

Странная и жуткая тишина на улицах, мертвые тела, которые словно вдруг ожили, затаившиеся собаки – все это было непривычно для Смирны и взволновало женщину настолько, что она даже перестала чувствовать страх. Нервы у нее напряглись, как вот эти шелудивые псы, прячущиеся в тени. Как и они, она ощущала неведомую, но близкую угрозу.

В это время в темном сознании Леонидаса кружились в дьявольском танце воспоминания и видения. Он еще не знал, что все, чему он был свидетелем и что совершил сам, уже никогда не сотрется из памяти. Сладким сном не будет возврата. С немногими уцелевшими своими людьми он вошел в Смирну несколько дней назад, надеясь уплыть отсюда в Салоники. Британские, французские, итальянские и американские военные корабли спокойно стояли в гавани, но ни одного греческого флага не было видно. Они опоздали. Греческие суда уже ушли, увозя тысячи их товарищей по оружию.

Измученные долгим переходом, они нашли на улице местечко для отдыха. Потом отыщется какой-нибудь выход, а пока они погрузились в тревожный сон прямо на твердых камнях мостовой.

Через несколько часов Леонидаса накрыло серым одеялом. Нет, это было не то мягкое стеганое покрывало, которое когда-то накидывала ему на плечи мать, чтобы теплее было зимой. Это была пелена темного дыма, вползавшего через ноздри в легкие. Ему снился пожар, уничтоживший их

семейное предприятие. Тот жаркий день и разрушительное буйство огня ожили в памяти с необычайной ясностью. А затем послышались крики:

– Пожар! Пожар! Горим!

Крик разбудил Леонидаса, и он понял, что едкий, горький запах ему не приснился. В Смирне до сих пор сохранялся относительный порядок, учитывая то, что ее население за последние дни увеличилось на несколько сотен тысяч, но теперь ею овладел хаос, и город ходил ходуном, как во время землетрясения. Люди бегали по улицам с криком и плачем. В глазах богатых и бедных застыл один и тот же ужас. Над Смирной встало зарево.

Солдаты разом вскочили на ноги. Страх прогнал усталость. Потоки людей проносились мимо, к морю, кто-то прижимал к груди детей, но большинство бежали с пустыми руками. Попадались стайки ребятишек, высыпавших из школ и приютов, мелькнула богато одетая женщина, успевшая схватить самую дорогую шубу и теперь резко выделявшаяся из толпы в своих соболях. Беженцы, что стеклись в город за последние несколько дней, судорожно сжимали в руках узлы с пожитками, которые уже протащили за собой сотни, если не тысячи километров. Все они бежали в одном направлении. К порту.

Армянский квартал Смирны подожгла турецкая конница, что ворвалась в город, сея гибель и разрушение. Греки, прятавшиеся в своих домах, на верхних этажах, с ужасом слы-

шали, как внизу выбивают двери и обыскивают комнаты. Потом до них доносился запах бензина, которым поливали стены дома, прежде чем поджечь. Выбор был небольшой: обнаружить себя, и тогда их искромсают на куски, или же умереть в огне.

Слухи распространялись быстрее пожара: об изнасилованиях и увечьях, об отрезанных женских головах на каждом столбе, о крысах, пожирающих человеческие внутренности. Какие бы преступления ни совершили греки, турки намерены были отплатить за них сторицей. Единственной надеждой было добраться до моря. Смирна рушилась на глазах.

– Надо как-то выбираться, – сказал Леонидас солдатам; он чувствовал, что не оправдал их надежд, что это из-за него они застряли в этом городе.

– Да ведь в таком виде мы живые мишени, – сказал один из совсем юных новобранцев, дергая себя за рукав форменной рубашки.

– Турки никого не помилуют, – согласился капитан. – Но будет, пожалуй, безопаснее, если мы разделимся и станем пробиваться в порт порознь. Так меньше будем бросаться в глаза.

– А где соберемся?

– Надо попасть в любую лодку, в какую удастся. Встретимся в Салониках.

Для людей, которые два года провели вместе, прощание вышло не слишком теплым, но теперь настало время каждо-

му самому о себе позаботиться. Леонидас смотрел, как потрепанные остатки его полка смешиваются с людским потоком, несущимся к морю. Вскоре их было уже не различить в толпе.

Прежде чем бежать следом, Леонидас оглянулся. Столбы огня и дыма вздымались высоко в небо. Земля у него под ногами вдруг качнулась от взрыва, а затем он услышал грохот рушащегося дома, звон бьющегося стекла, громохание рассыпающихся кирпичей. Как и сотни тысяч людей вокруг, он понял: времени на то, чтобы спастись из горящего города, остается совсем немного.

В порту местные жители и беженцы дрались за место хоть в какой-нибудь лодке. Первоначальный порядок, когда люди чинно становились в очередь, надеясь, что места хватит, сменился хаосом. Теперь, когда город пылал и в каких-нибудь нескольких сотнях метров отсюда творились чудовищные зверства, всех охватила паника. Страх нарастал с каждым новым человеком, прибывающим к толпе, что уже заняла собой площадь ровно в километр шириной и несколько сотен метров длиной. Это была катастрофа.

Леонидас, не обремененный ни спутниками, ни пожитками, сумел пробиться в центр толпы. Он видел, как уходят в море маленькие лодчонки, выше бортов набитые стульями, матрасами и чемоданами. В другие лодки, рассчитанные на одного человека с рыболовной сетью, набивалось человек по двадцать. Слышался плеск: люди бросались в воду

в надежде вплавь добраться до какого-нибудь итальянского судна и попросить убежища. Иногда раздавался выстрел, и пловца снимал турецкий снайпер.

Леонидаса опалило стыдом. Каждый убитый грек – это возмездие за мертвого турка. В какую же бессмысленную игру это превратилось! Смерть человека, который только что на его глазах ушел под воду, была, по крайней мере, быстрой, а он-то знал, сколько раз он сам и его люди старались, чтобы страдания жертвы, прежде чем она наконец испустит дух, были как можно более долгими и мучительными.

До сих пор видения позора и ужаса последних месяцев преследовали его только по ночам, а теперь отравляли каждый миг его существования и наяву. Он отвел взгляд от воды и стал пробиваться назад, против потока людей. Глаза у него слезились от дыма, из груди рвались рыдания. Нельзя ему бежать. У него столько преступлений на совести, как же он может лезть вперед, на место кого-то другого – мужчины, женщины, ребенка? Любой из них заслуживает жизни больше, чем он. В эти месяцы боев солдат захлестнула волна ненависти, и им казалось, что любое их действие оправданно, а теперь все это сменилось выворачивающим душу отвращением к себе. Омерзительные картины зверских жестокостей вставали у него перед глазами – одна за другой, еще и еще... Порт Смирны исчез – вместо него перед Леонидасом проплывали мрачные воспоминания последних недель.

Тот, кто не был занят исключительно собственным спасе-

нием, непременно заметил бы худого, как скелет, обожженного солнцем офицера, бредущего, словно в забытии, прочь от моря. Его всклокоченные волосы были белыми от пыли, слезы текли по изрытому глубокими морщинами, раньше срока постаревшему лицу.

Навстречу ему шла женщина с двумя девочками в вышитых платьях. «Афины?» – то и дело спрашивала она и направлялась туда, куда ей указывали – в очередь к кораблю, плывущему в Пирей, ближайший к Афинам порт. Ее вежливость и красота служили пропуском – толпа раздвигалась, чтобы дать дорогу ей и детям. Жалобный плач малышки тронул бы и каменное сердце.

В это время совсем близко рухнул дом, разлетелись искры. Женщина стояла уже в нескольких метрах от начала очереди.

Тлеющий уголек попал девочке на рукав. Он тут же прожег материю, опалил кожу, девочка громко закричала от боли и выпустила руку матери, чтобы сбить пламя. Мать тем временем неуклонно пробивалась вперед, и в следующий миг ее уже усадили в маленькую лодку.

Заметив, что дочери рядом нет, женщина закричала:
– Где моя Катерина? Где моя девочка? Катерина! Катерина! Катерина! Малышка моя!

Она стала требовать, чтобы ее выпустили обратно, но при ее отчаянной попытке вскочить маленькая лодка начала раскачиваться, и своей паникой она явно подвергала

опасности остальных.

— Люди бьются за то, чтобы попасть в лодку, а не на берег сойти! — проворчал какой-то здоровяк, хватая ее за руку и усаживая на место. — Ну-ка, сядьте быстро, черт возьми, иначе нам отсюда не выбраться! Кто-нибудь другой вашего ребенка захватит.

Между пятилетней девочкой и морем уже стояла стена людей, сквозь которую малышке не было видно матери.

Девочка держалась на удивление спокойно. Это был ее родной город, и она не сомневалась, что найдет кого-нибудь, кто ей поможет. Сквозь водоворот криков, ужаса и огня она побрела из порта. Обожженная рука нестерпимо болела.

Тем временем Леонидас все так же, ничего не видя перед собой, неровным шагом шел прочь. Голову сверлила боль, крики отдавались в ней, словно звучали не вокруг, а прямо под черепом. Он опустил на землю у какой-то двери и зажал уши ладонями, чтобы не слышать царящего вокруг хаоса.

Наконец он поднял глаза, словно почувствовав на себе детский взгляд. Девочка в белом платице была похожа на ангела, только без крыльев, а пожар в отдалении, у нее за спиной, придавал ей какое-то сверхъестественное свечение. Это была фея, небесный дух, и однако же она плакала.

Вид ее слез заставил Леонидаса встряхнуться, и он поднялся.

Рядом с этим маленьким ангелом он почувствовал себя

храбрецом. Он увидел, что девочка держится за руку.

– Больно, – сказала она без робости.

– Дай я посмотрю.

Обожженное место нужно было чем-то перевязать, и Леонидас, чуть поколебавшись, оторвал свой рукав.

– Надо бы тебя перебинтовать как следует, ну да ладно, пока что и так сойдет, – сказал он, обвязывая девочке руку; грубый хлопок цвета хаки смотрелся дико рядом с тонким белым муслином, украшенным, как заметил Леонидас, искусно вышитыми цветами.

– Ну и куда же ты идешь? Почему бродишь здесь одна?

– Мама с сестричкой уплыли... – Она повернулась и показала рукой в сторону моря. – На лодке.

Ее наивная доверчивость была поразительна.

– Ну так, значит, надо и тебя посадить на лодку, так?

Девочка протянула руки, чтобы Леонидас мог поднять ее, и они вместе двинулись обратно, к шумной толпе.

– Как тебя зовут? – спросил Леонидас. – И откуда ты?

– Меня зовут Катерина. И я ниоткуда.

– Откуда-нибудь должна же ты была взяться, – шутили проговорил Леонидас, довольный, что удалось отвлечь ее разговором.

– Мне не надо было ниоткуда браться. Я сразу тут была.

– Значит, ты здесь живешь? В Смирне?

– Да.

Как ни странно, Леонидас поймал себя на том, что улыба-

ется. Эта детская отстраненность от происходящего казалась почти мистической. Даже отчаяние его как-то поубавилось.

Катерина была легче пушинки. Как фея, подумал он. До сих пор он носил на руках только одного ребенка – своего племянника Димитрия, да и то больше года назад. Но и тогда Димитрий, кажется, весил больше, чем эта маленькая особа. Даже сквозь густой запах пота и дыма, окружавший Леонида, он чувствовал, что от девочки, так крепко обхватившей его руками за шею, пахнет чистым бельем и свежими цветами.

Плотная толпа, слыша его властный голос и заметив то, что осталось от офицерской формы, расступилась и дала им дорогу. Леонид чувствовал, как хрустит под ногами битое стекло, и старался не запнуться о валяющуюся под ногами брошенную домашнюю утварь. Ребенок, тем более босой, а таких тут было много, и минуты не продержался бы один в этом хаосе.

Леонид обратился к женщине, которая, судя по всему, руководила посадкой, и объяснил, что девочка пострадала при пожаре. Вскоре ей уже помогали забраться в лодку.

– Смотри, рукав мой не потеряй! – весело прокричал Леонидас. – Вернешь потом!

– Честное слово! – крикнула в ответ девочка.

Ее улыбка была первой улыбкой, какую он видел за этот год. За все время на фронте ему редко случалось встречать такой стоицизм.

Леонидас махал вслед девочке, пока лодка не превратилась в точку на горизонте. А затем повернул назад, к пылающим руинам города.

Глава 6

С каждым гребком весла большой корабль, стоявший на якоре в гавани, становился все ближе, и Катерина все сильнее радовалась при мысли, что сейчас увидит маму. Когда они подошли к борту, она ухватилась за металлические перекладыны трапа и начала карабкаться наверх. Ожог давал о себе знать, и, когда чьи-то руки подхватили ее и подняли на палубу, она дернулась – одна из этих рук задела болезненное место. Женщина, искренне желавшая помочь, погладила девочку по голове, дала кусок хлеба и кружку воды и усадила ее на скамейку. Корабль был битком набит женщинами и детьми. Мужья и отцы ушли на фронт, и тысячи их полегли только за последние месяцы. Почти все здесь были вдовами.

– Ты что, одна? – спросила женщина, видимо ответственная за порядок.

– У меня мама тут, – ответила Катерина. – Только я не знаю, где она.

– Тогда, может, сходим погуляем, глядишь, и найдем ее? Она взяла Катерину за руку, и они вместе прошли по всему кораблю, вдоль и поперек. Многие были вне себя от горя. Кто-то получил ранение, кто-то сидел и раскачивался из стороны в сторону, подавленный случившимся за последние сутки.

Катерина крепче ухватилась за руку женщины.

– Ты можешь описать, как она выглядит? – спросила та. – Во что одета?

– У нее такое же платье, как у меня, – уверенно ответила Катерина. – Когда она шьет платье себе, то и мне всегда шьет такое же.

– Тогда на ней очень красивое платье! – улыбнулась женщина. И хотя платье девочки испачкалось, видно было, что оно красивое. Расшито маргаритками, отделано каймой, странно только, что один рукав словно бы из другой материи. – Что это у тебя с рукой?

– Обожглась, – ответила Катерина.

– Боже мой! Не беда, вот найдем твою маму и посмотрим, что там у тебя, – проговорила женщина озабоченно. – Ну что, не видно ее на палубе? Если нет, так, значит, она наверняка внизу.

– У нее еще ребеночек, – словоохотливо прибавила Катерина, – два или три месяца всего.

Женщина уже начинала понимать, что их поиски могут оказаться тщетными, и пыталась отвлечь девочку разговором: расспросила о ребеночке – мальчик это или девочка, как зовут и так далее. Минут через двадцать стало ясно, что маму они не найдут. Женщине очень не хотелось омрачать беззаботное настроение Катерины, но рано или поздно все равно пришлось бы сказать ей, что дальше искать бесполезно. Ее мамы нет на этом корабле.

– Я уверена, мы ее найдем, а пока придется попросить ко-

го-нибудь присмотреть за тобой...

Подошла еще одна весельная лодка, чтобы выгрузить на борт новых пассажиров. Места осталось совсем мало, и женщина, помогавшая организовывать эвакуацию, с беспокойством огляделась.

– Прошу прощения! – обратилась она к женщине, сидевшей между двумя детьми на большем узле, в котором теперь было все их имущество. – Вы не могли бы немного присмотреть за этой крошкой?

Женщина протянула к Катерине руки.

– Ну конечно, иди сюда, садись с нами, – ласково проговорила она. – Подвинься, Мария.

Малышка слышала, что женщина говорит с каким-то незнакомым акцентом, но легко понимала ее. Одна из двух девочек, сидевших по бокам, придвинулась поближе к матери, чтобы дать место Катерине.

– Устраивайся поудобнее, – сказала женщина. – Меня зовут кирия Евгения, а это мои дочери Мария и София.

Уже смеркалось. Взревели двигатели, и тяжелый лязг поднятого якоря возвестил, что корабль отправляется. Катерина склонила голову на плечо Марии, и скоро все три девочки заснули, убаюканные легкой качкой. Они были в числе последних двухсот тысяч эвакуированных из Смирны в эти ужасные дни.

На рассвете корабль остановился у пристани.

Вчера Катерина от усталости даже не заметила, что две девочки, с которыми она вместе ехала, были совершенно одинаковыми. Она переводила взгляд с одной на другую и терла глаза, не понимая, что это такое – разыгрывают ее, что ли? Девочки в один голос хихикали. Они уже привыкли к такой реакции и часто ради озорства пользовались своим необычайным сходством.

– Кто из нас кто? – спросила София.

– Ты Мария! – ответила Катерина.

– Не угадала! – радостно закричала София. – Теперь закрой глаза!

Катерина закрыла, а когда София крикнула: «Готово!» – открыла снова.

– Как меня зовут?

– Мария!

– Опять не угадала!

Никогда еще Катерина не видела такого поразительного сходства. Волосы у девочек были одинаковой длины – до миллиметра, красные платья неотличимы друг от друга. Даже веснушки на носах были одинаковые. Пароход простоял около часа, пока им всем позволили сойти, и за это время девочки успели наиграться с Катериной во всевозможные игры, которые были основаны на их сходстве. К тому времени как настало время сходить на берег, они уже крепко подружились. Втроем они пошли за Евгенией по трапу, держась за руки, как бумажные куклы в гирлянде.

Какой-то военный бросил узел Евгении в грузовик, и все вскарабкались следом.

— Куда мы едем? — спросила кирия Евгения, но ответа солдата Катерина не расслышала.

Места вокруг были незнакомые, и в первый раз с момента разлуки уверенность в том, что мама где-то рядом, оставила ее. Она уже так давно ее не видела! Целый день? Или целую неделю? Или месяц? Она прислонилась к какому-то ящику, подтянула колени к груди и тихо заплакала, так, чтобы никто не видел. Она знала — так будет лучше.

Как-то, совсем недавно, мама усадила ее рядом и сказала: — Ты должна держаться, малышка.

Катерина помнила, как мама сама плакала тогда, и чувствовала, что хотя бы ради нее нужно постараться не плакать.

— Твой папа не вернется с войны. Он был очень смелым и погиб, спасая товарища.

Катерина гордилась отцом и в свои годы уже умела скрывать печаль, чтобы не портить настроения другим.

Когда они добрались до лагеря, где уже расположились десятки тысяч прибывших ранее, вера в лучшее снова проснулась в Катерине, и она стала расспрашивать кирию Евгению:

— Куда они нас привезли? Почему сюда? А моя мама тут?

— Видишь ли, Катерина, — сказала кирия Евгения так мягко, как только могла, — мы сейчас на острове, он называется Митилини. Но кто-нибудь наверняка постарается найти...

– Но мама хотела в Афины! – встревоженно сказала девочка. – Это далеко?

– Не так уж далеко, – успокаивающе ответила Евгения, сжимая ее руку.

Ни к чему было говорить ребенку правду. Те, кто организовал эвакуацию из Смирны, думали только о том, как вывезти такое огромное количество людей в безопасное место. Главное было – спасти их от огня и от разъяренных турок, где уж тут следить, кто куда уехал и с кем. Беженцев был миллион, если не больше, и надежды отыскать среди них мать Катерины почти не было.

– Я уверена, что рано или поздно мы ее найдем, моя хорошая.

– Я есть хочу, – захныкала София, когда они проходили мимо очереди за супом. – Можно, мы чего-нибудь поедим?

– Сначала давайте найдем, где мы будем спать, а потом уж поедим чего-нибудь, – ответила мать.

По тому, сколько народу здесь собралось, было понятно, что в эту ночь место в палатках достанется лишь немногим. Всех разместить было просто негде.

Несколько часов они терпеливо ждали, когда их устроят, и все это время глаза Катерины так и стреляли во все стороны в поисках мамы. Никто не сказал ей, что Митилини почти в двухстах пятидесяти километрах от Афин.

В палатке София продолжала хныкать. Катерина уже заметила, что, хотя близнецы с виду и одинаковые, в других

отношениях очень даже различаются.

Еще на корабле София похвасталась, что она появилась на свет раньше. Мария заспорила: разница, мол, всего-то в несколько минут, но, видимо, то, что она первой пришла в этот мир, придало Софии уверенности в себе, и она привыкла верховодить во всем. Сестра Мария была ее отражением. Словно эхо, она повторяла слова сестры, не имея своего мнения, и определенно была мягче по характеру.

Наконец усталые девочки улеглись на соломенный матрас и провалились в глубокий сон, забыв о голоде.

Евгения стояла у входа и разглядывала ряды палаток. Большинство беженцев потеряли все, что имели: и имущество, и родных. Многие из них были погружены в какое-то забытие, ходили словно во сне, без всякого выражения на изрезанных морщинами лицах. Евгения заметила одну из здешних обитательниц, выбравшуюся из соседней палатки, и поздоровалась. Теперь они живут меньше чем в метре друг от друга, их разделяет лишь тонкий холст – значит эта женщина ее соседка. Но та, если и заметила Евгению, ничем этого не показала.

И почти сразу же Евгения поняла почему. В подоле длинного широкого платья, из тех, какие носили обычно в деревнях понтийские греки, женщина держала больного ребенка. Евгения заметила, что женщина плачет, но сам ребенок лежал без движения и не издавал ни звука.

Женщина прикрыла лицо платком и быстро зашагала

прочь, так и не взглянув Евгении в глаза. Дизентерия. В очереди ходили слухи, что она уносит сотни человек ежедневно, и в груди у Евгении похолодело от страха. Хорошо бы поскорее убраться из этого места.

Девочки проснулись и наконец поели хлеба и помидоров с молоком. Уже больше суток они сидели голодными. Близнецы быстро привыкли к Катерине как к одной из множества перемен, произошедших в их жизни. За последние месяцы все так резко перевернулось с ног на голову, что лишний человек в семье на этом фоне казался мелочью.

Как только все поели, Евгения отвела Катерину в пункт первой помощи. Медсестра осторожно размотала «бинт» на ее руке. Под ним кожа слезла от плеча до локтя.

– Надо поскорее обработать и сразу же перевязать, – сказала медсестра, даже не пытаясь скрыть удивление при виде такого большого ожога. – Болит?

– Да, но я стараюсь об этом не думать, – ответила девочка.

Катерина морщилась и вздрагивала, пока медсестра смазывала рану мазью, но вскоре болезненный ожог обмотали ослепительно-белым бинтом, и девочка с гордостью посмотрела на свою аккуратно перевязанную руку.

– Приведите ее ко мне снова через четыре дня, – сказала медсестра Евгении. – Надо будет посмотреть, не воспалилась ли рана. Тут бактерий хватает, не успеешь оглянуться, как подхватишь заразу...

Евгения взяла Катерину за руку и торопливо вывела из палатки. Она сердилась на медсестру: зачем же при ребенке говорить такие вещи!

Они пошли по узким «улицам» лагеря к своему ряду палаток, где их дожидались близнецы. И вдруг Катерина что-то вспомнила:

– Кирия Евгения! Нам нужно вернуться! Я там кое-что забыла.

Отчаяние в голосе ребенка не оставляло выбора. Через несколько минут, нетерпеливо дергая Евгению за руку, Катерина притащила ее обратно в палатку медпункта. Девочка подошла прямо к медсестре, осматривавшей раненую женщину:

– Мой старый бинт у вас остался?

Медсестра прервала работу и бросила на девочку грозный взгляд.

Катерина огляделась. Пол уже подмели, но она заметила у входа кучу мусора.

– Вот он! – воскликнула она с торжеством, подбежала и вытащила свой рукав.

– Ну что ты, Катерина, он же грязный. Может, лучше бросить? – уговаривала Евгения, помня, что говорила медсестра о смертоносных бактериях, кишящих в лагере.

– Но я же обещала... – Катерина намертво вцепилась в рукав.

Евгения знала, как девочки умеют упрямиться, и видела,

какая решимость написана на лице малышки.

— Ну, так и быть, только придется выстирать его хорошенько, как только будет возможность.

Выходя из палатки, Евгения заметила брезгливое выражение медсестры. Не грех и порадовать ребенка хоть чем-то в таких обстоятельствах, сказала она себе. По довольному лицу Катерины было ясно, как важно ей было найти эту тряпку.

— Я обещала вернуть его солдату, — пояснила она. — Тут еще даже одна пуговичка осталась.

Евгения присмотрелась повнимательнее. И правда, к рукаву была пришита пуговица. Она потускнела, но еще держалась на одной нитке.

Катерина сунула рукав в карман, и они вернулись в палатку к близнецам.

Мысль о том, как отыскать маму, по-прежнему занимала Катерину, и они с Евгенией часами бродили по рядам самодельных палаток в надежде ее найти. Им встречалось много понтийских греков, таких же, как Евгения и ее дочери, живших раньше у Черного моря. Евгения даже нашла кое-кого из своей деревни под Трабзоном. По пути от родного дома к Смирне, за тысячу километров, родные и друзья потеряли друг друга, и теперь женщина была безумно рада снова встретить знакомых.

Катерина же так и не увидела ни одного знакомого лица из Смирны, и руководство лагеря подтвердило Евгении,

что женщина по имени Зения Сарафоглу в их списках не значится.

Евгения молча приняла то, что Катерине, видимо, придется остаться с ними. Здесь все были в схожем положении: разбитые семьи склеивались в новые, кого-то теряли, кого-то принимали к себе. Мария с Софией уже привыкали считать прибывшую к ним малышку своей сестренкой. Как и у многих девочек в девять лет, у них был силен материнский инстинкт. До сих пор у них была только одна кукла на двоих, а теперь они получили новую, да еще такую большую. Катерина с удовольствием принимала их заботу и даже позволяла им менять повязку, когда приходило время. Ожог заживал, но на руке остались глубокие шрамы.

Теплая октябрьская погода располагала к тому, чтобы большую часть времени играть на улице, а так как в лагере было много детей, девочки быстро нашли себе новых приятелей. Но недели складывались в месяцы, стало холодать, и все чаще они сидели в палатке. Среди пожитков, что Евгения тащила с собой по равнинам Малой Азии, нашлось немного шелка для вышивания и шерсти, оставшейся от вытканного ковра. Под ее руководством девочки начали проводить дни за шитьем лоскутных одеял из кусочков материи, собранных в лагере. Иногда сюда привозили старые вещи от американских благотворительных организаций, и им перепадала кое-какая одежда, которую, если иметь достаточно фантазии, можно было украсить разноцветной вышивкой

или аппликацией. В один прекрасный день, когда Марию одолела скука, она воткнула иголку в полог, закрывающий вход, и вскоре их «дверь» уже вся была покрыта вышивками: девочки «писали» на ней свои имена красными, зелеными и голубыми нитками, а потом украшали цветами и листьями.

В качестве последнего штриха Евгения сама вышила надпись: «Дом, милый дом». Это означало то, чем стала для них палатка.

Во всяком случае, из памяти детей тяжелые воспоминания о разлуке с домом начали уже изглаживаться, и их сны снова стали мирными и сладкими.

В основном старания взрослых хоть чем-нибудь порадовать ребятишек приносили свои плоды, но сами они слишком хорошо понимали, что обстановка в лагере с каждым днем становится тяжелее, и начинали изнывать от оупляющего бездействия.

Евгения отдавала себе отчет, что к прежней жизни в Малой Азии возврата нет и не будет, но никак не могла привыкнуть к мысли, что им придется навсегда остаться на неприветливом Митилини. Они сидели и выжидали. Многие в лагере уже умерли от болезней, и никогда нельзя было быть уверенными, что следующими не станут они. «Что за ирония судьбы, – думала Евгения, – пережить такие ужасы в Смирне и умереть здесь!»

Еды хватало, но зима давала о себе знать. Становилось все холоднее, зарядили сплошные ливни.

Стали доходить слухи, что дипломаты прилагают усилия к разрешению ситуации. Хоть какое-то утешение. Для детей время не имело большого значения, но взрослые в большинстве своем чувствовали неумолимое течение дней и думали о том, какую часть жизни им придется похоронить здесь.

Но вот в один прекрасный день они слышали радостную новость: всех их повезут на материк. Несмотря на большое расхождение в цифрах, состоялся договор об официальном обмене гражданами между Грецией и Турцией.

После опустошительных войн последних лет, посеявших ненависть и насилие, политики не видели другого выхода. Мусульмане уже не могли чувствовать себя в безопасности в Греции, а греки не могли больше мирно уживаться в Турции. Для Турции, с ее обширными территориями и огромным населением, этот обмен мог пройти относительно безболезненно, а вот Греции он нес разительные перемены: количество жителей маленькой, бедной страны за несколько месяцев должно было увеличиться с четырех с половиной до шести миллионов человек. Последствия внезапного прироста населения на двадцать пять процентов усугублялись тем, что бóльшая часть прибывающих приезжала почти ни с чем, не считая того, что было на себе.

В январе 1923 года в Лозанне было подписано соглашение. В течение года беспрецедентное переселение из одной страны в другую должно было завершиться.

Глава 7

Всю весну, пока шли приготовления к отправке, в лагере царило нетерпеливое ожидание. Катерина слышала все новые и новые разговоры о том, куда их могут вывезти, а в голове у нее крутилось одно: «Афины-Афины-Афины...» Это было последнее слово, которое она слышала от мамы. Афины.

Когда появилась надежда снова увидеть маму и сестру, Катерину охватило радостное волнение и она начала считать дни. Каждый день малышка вышивала маленький крестик на подоле своего платья и надеялась, что они с мамой встретятся раньше, чем она вышьет крестики по всему подолу.

Взрослые тоже, судя по всему, радовались предстоящему отъезду. Им обещали новые дома, и Катерина была уверена, что там-то она и встретится со своей семьей.

Наконец к Митилини пристал огромный корабль, и все беспокоились, внесено ли их имя в список пассажиров. Получив подтверждение, Евгения с девочками тут же принялись укладывать вещи.

За последние месяцы в лагерь прибыло еще много семей, и условия становились все хуже и хуже. В весеннем тепле болезни распространялись стремительно, и часто безутешные родители теряли еще недавно здоровых детей за считанные часы.

Собирая свои пожитки, Евгения с девочками не жалели, что приходится уезжать. Расшитый полог у входа в палатку, с цветами и листьями вокруг слов «Дом, милый дом», уже не радовал.

У пристани царили шум и суматоха. Всех охватило приподнятое настроение, словно в праздник «Похвалы Богородице», и впервые люди ощутили на лицах тепло весенних солнечных лучей.

Те, кто уже был на борту, кричали и махали оттуда друзьям. Им не терпелось отправиться в путь, радостное волнение и ожидание переполняли их. Наконец-то перед ними забрезжила надежда на новую жизнь, со всеми возможностями, какими манили Афины.

Катерина стояла перед Евгенией, а рядом с ней, по бокам – близнецы. Их очередь уже подходила, и тяжелый запах дизельного топлива и машинного масла казался самым сладким ароматом.

Евгения подняла глаза. Ее соседка по палаточной «улице» махала ей и что-то кричала с верхней палубы. Все новые и новые пассажиры толкались на борту, и вскоре знакомое лицо пропало в нахлынувшей толпе. Корабль был набит битком.

Чиновник в форме начал опускать перегородку.

– Прошу прощения. Все места заняты, кирия. Точнее сказать, корабль уже переполнен. И так уже пропустили на сто человек больше, чем это старое корыто способно увезти.

– Но неужели еще четверо не поместятся?! Велика ли разница?

– Придется подождать следующего.

– Но когда же он придет? – спросила Евгения, стараясь сдержать слезы.

– Ожидаем. Когда – сказать не могу. Но всех с этого острова вывезут в должный срок, – ответил чиновник вежливым, бесстрастным тоном человека, который ночью будет спать в собственной постели.

Все эти события затронули его жизнь лишь в одном отношении: ему подняли жалование. За последние несколько дней он сорвал немалый куш: брал взятки у тех, кому было чем заплатить, чтобы попасть в самое начало списка.

В смятении они смотрели, как корабль отходит от пристани, и Евгения видела, как лица друзей уплывают все дальше и дальше и становятся неразличимыми.

Чиновник встал к ним спиной, словно хотел загородить от уходящей надежды.

Евгения бросила узлы с пожитками на землю, чуть ли не к ногам чиновника.

– Ну так будем сидеть здесь, – сказала она. – Тогда первая очередь будет наша.

– Как вам угодно, – надменно проронил тот и отошел.

Меньше чем через час на горизонте показался второй корабль. Через какое-то время, показавшееся мучительно долгим, он тоже пристал к берегу, и снова начался утомитель-

ный процесс регистрации пассажиров. Евгения отправила девочек посмотреть, не найдут ли они чего-нибудь поесть, и назвала имена – свое и детей – новому чиновнику. Прежний куда-то ушел, а этот, новый, был, кажется, более доброжелательным.

– А сколько плыть до Афин? – спросила Евгения.

– Вас повезут не в Афины, – буднично ответил тот, даже не поднимая головы от бумаги, в которую записывал имена, – а в Салоники.

– В Салоники! – Евгению охватила паника. – Но мы не хотим в Салоники. В Салониках мы никого не знаем. Из моей деревни все уехали в Афины!

– Что ж, дело ваше. Вон сколько народу стоит за вами в очереди, они с радостью займут ваше место на корабле. И я не могу их задерживать.

Евгения прибегла к последнему средству:

– Но Катерина не моя дочь! Ее мать в Афинах! Мы должны ее туда отвезти.

На чиновника это не произвело впечатления. Такие недоумения в это время стали делом обычным.

– Как бы то ни было, корабля до Афин нет, есть только этот, до Салоников.

– А еще один, в Афины, будет?

– Понятия не имею – и никто не знает. Послушайте, кира, это не увеселительная прогулка, так что лучше решайте поскорее, хотите вы попасть в список пассажиров или нет. –

Он пододвинул ей бумаги на подпись. — Если нет, отойдите, пожалуйста, в сторону... — прибавил он нетерпеливо. — За вами стоят сотни людей, которым, по всей видимости, не настолько важно, куда отправляться.

Евгения смотрела, как уголок листка приподняло ветром. Стоит ему дунуть посильнее — и ее место на корабле улетит вместе с бумагой.

На решение оставались доли секунды. В Афины отправились все ее земляки, но зато Салоники ближе. А главное — не было никакой уверенности, что представится другая возможность.

— Мы едем! — сказала она и прихлопнула бумагу ладонью. — Эти места наши.

— Отлично, — одобрил чиновник. — Подпишите, пожалуйста, вот здесь, что вы мать этим двум девочкам, и... вот здесь — что берете на себя ответственность за третью.

Евгения, больше не колеблясь, поставила в двух строчках неуклюжие подписи. У нее никогда не было сомнений, даже на минуту, что она должна позаботиться о Катерине, пока не найдется ее мать. Это казалось само собой разумеющимся. За то время, как на пароходе из Смирны ее попросили приглядеть за очаровательной крошкой в рваном белом платице, Евгения полюбила девочку, как родную. Если бы несчастная война с турками не отняла у нее мужа (официально он числился пропавшим без вести), у нее, наверное, были бы еще дети. Может быть, поэтому она приняла «прибавление»

в своем семействе с такой готовностью.

Они вчетвером первыми поднялись на борт, и прошло, казалось, много часов, пока корабль наконец не загрузили и не подготовили к отплытию. Послышался лязг цепей, и дети, бегавшие взад-вперед по палубе в радостном ожидании нового путешествия, снова подошли к Евгении.

Она не сказала им, куда их везут. Ее дочери огорчились бы, что не увидят старых друзей, а Катерина поняла бы, что мама не встретит ее в конце пути. А так они, может, и не заметят разницы между Афинами и Салониками.

Корабль шел сквозь ночь, вода блестела под полной луной. Дети крепко спали. Узлы с вещами служили им подушками, а одеяла, которые дали в лагере, укрывали от соленого бриза.

Евгения всю ночь лежала без сна, слышала, как кого-то тошнило, и надеялась, что ее девочек болезнь обойдет стороной. Несколько человек взошли на борт уже больные дизентерией и теперь метались в жару. Раз пять или шесть кто-то переступал через ее ноги, неся на руках больного или уже безжизненное тело. Больных старались держать отдельно от остальных – это был единственный способ снизить вероятность эпидемии. Звуки далеко разносились в тишине, и Евгения слышала беспрестанное бормотание двух находившихся на борту священников, когда они утешали умирающих или тихо, нараспев читали слова прощальной молитвы. Несколько раз до ее ушей долетал явственный глухой

всплеск – это тело выбрасывали за борт.

Она смотрела на трех девочек, на пряди их темных шелковистых волос, безмятежно гладкие лбы, длинные ресницы, бросавшие тени на щеки. Эти три невинных ребенка, так мирно спавшие рядом, казалось, светились под лунными лучами. Они были повинны в обрушившихся на них несчастьях не более, чем ангелы, на которых были так похожи. Ни один миг горя не был ими заслужен.

Евгения молилась Панагии, чтобы та защитила их всех, и услышала ее Пресвятая Дева или нет, но корабль все так же, не сбавляя хода, шел по темному морю.

Евгения смотрела на девочек, и веки у нее начали тяжелеть. К тому времени, когда вдали показались очертания греческого берега, она уже крепко спала. Когда она проснется, они будут уже в другой стране и у них начнется новая жизнь.

Глава 8

Для Константиноса Комниноса это майское утро было самым обычным. Он встал в шесть часов и приготовился к дневным трудам. Его склад и торговый зал открылись еще два года назад, и он уже приступил к расширению – строительству еще одного дома. Многие предприятия после пожара так и не оправились, но Константинос воспользовался гибелью зданий, построенных отцом, чтобы создать на их месте новые, еще больше, еще прочнее, и на этот раз в своем собственном вкусе. Он оспорил в суде отказ от выплаты страховки и выиграл дело, а после этого уже оставалось только возродиться, как феникс, из пепла сгоревшего города. К тому же и затянувшаяся мобилизация, и непрекращающаяся война в Малой Азии предоставляли уникальные возможности для коммерции.

Война приносила прибыль, но были и потери.

В конце октября Константинос получил извещение, что его брат пропал без вести. Леонидас дошел до окраин Смирны вместе со своим полком после отступления через всю Малую Азию, и после этого о нем никто ничего не слышал. По словам немногих выживших, большую часть солдат из полка Леонидаса Комниноса турки настигли и зверски убили.

Заново отстроить торговые здания и наладить бизнес бы-

ло важнее, чем восстановить виллу на берегу, и хотя Константинос уже приступил к этой задаче, ей он посвящал не много времени. Перед тем как строить, нужно было снести сгоревший дом до основания. Для использования в новом доме годился разве что фундамент.

Пока Ольга и маленький Димитрий Комнинос жили на улице Ирины, Константинос остановился в отеле. Все равно домой из конторы он редко приходил раньше полуночи, и это вполне годилось в качестве оправдания – он просто не хочет будить домочадцев.

Ольге по душе был старый город с его кипучей жизнью, и она не торопилась увозить отсюда своего счастливого и довольного сына, однако обмен населением с Турцией принес серьезные перемены, которые уже начали менять облик Салоники. Даже улице Ирины предстояло вот-вот ощутить это на себе.

Семья Экрем готовилась покинуть город. Несколько недель они собирались, укладывали вещи, прощались с дорогими друзьями, дарили маленькие подарки людям, которых успели полюбить. Им обещали какую-то компенсацию за дом, который они оставляли, и новое жилье в Малой Азии, но эта страна была для них чужой и незнакомой, и им совсем не хотелось расставаться со счастливой жизнью в Салониках.

Вечером перед самым отъездом семья Морено пригласила их на прощальный ужин. Они принесли с собой подарок – свое сокровище, том стихов Ибн-Замрака, чьи строки были

выбиты на стенах дворца Альгамбры.

Обе семьи понимали, что у них очень много общего. Изгнание из Испании было не единственным совпадением.

– «Гранада! Вечный дом мира и сладостной надежды. Здесь найдешь ты и жажду, и ее утоление», – перевела одна из девочек Экрем.

– Никогда не знаешь, как жизнь обернется, верно? – сказала кирия Экрем на своем ломаном греческом.

– Когда это было написано, должно быть, никто и понятия не имел, что всех арабов оттуда выживут, – бросил Саул.

В это утро Ольга встала рано, чтобы попрощаться. Если бы Комнинос проходил мимо по пути к парикмахеру, он бы пришел в негодование, увидев, как его жена разводит сантименты из-за отъезда каких-то мусульман. Он никогда не понимал, почему она так приветлива с семьей Экрем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.